У
Е 50
Еленев Ф.
Студенческие
беспорядки
Спб 1888

У
Е 50
58

СТУДЕНЧЕСКІЕ БЕЗПОРЯДКИ.

Ѳ. Еленевъ.

1005
XXVII – 36
XLVII
3
47
492/6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.
1888.

69339

У
Е 50

378 (47)

СТУДЕНЧЕСКІЕ БЕЗПОРЯДКИ.

Ѳ. ЕЛЕНЕВЪ.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 69339
8°

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.
1888.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Октября 1888 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта статья была написана тотчасъ послѣ безпорядковъ, вспыхнувшихъ въ нашихъ университетахъ въ концѣ прошлаго 1887 года. Она не могла тогда найти себѣ помѣщенія въ нѣкоторыхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, по той причинѣ, что она, по мнѣнію этихъ изданій, нелиберальна, т. е. высказываетъ относительно нашего студенчества горькіе факты слишкомъ откровенно, не подслащивая ихъ сиропомъ напускной угодливости предъ „молодымъ поколѣніемъ“. Быть можетъ, это случилось и къ лучшему, что настоящая статья не появилась въ печати въ то горячее время. Съ тѣхъ поръ минутное и искусственно вызванное возбужденіе университетовъ затихло, благодаря твердому образу дѣйствій учебнаго начальства и собственному благоразумію большинства студентовъ, успѣвшаго одуматься и пересилить несмысленное и настроенное извнѣ меньшинство. Факты, приводимые въ этой статьѣ, могутъ быть теперь обсуживаемы какъ публикой, такъ и самими студентами съ бо́льшимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, чѣмъ въ то возбужденное время. Такимъ образомъ наша статья можетъ имѣть теперь интересъ только ретроспективный. Но оглядываться назадъ никогда не лишнее, для того, чтобы изъ прошлаго извлекать уроки для будущаго. Особенно въ настоящемъ случаѣ будетъ не безполезно припомнить указанія опыта, ибо наши университеты и другія высшія учебныя заведенія могутъ и впредь подвергнуться напору темныхъ силъ, стремящихся вызвать смуты въ нашемъ отечествѣ.

Октябрь 1888 г.

БИБЛІОТЕКА
НОВГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРІИ

Въ студенческихъ безпорядкахъ болѣе всего поражаютъ два обстоятельства: стадное свойство нашей молодежи устремляться безсознательно и всей массой въ ту сторону, куда ей свиснутъ какіе-то невидимые коноводы, и во вторыхъ эта таинственная неизвѣстность главныхъ коноводовъ, которые, при всѣхъ студенческихъ безпорядкахъ, какъ бы проваливались сквозь землю и оставались неразысканными. Стадность есть общее свойство всякой толпы, составленной изъ людей темныхъ или, по своей молодости, лишенныхъ всякой житейской опытности. Авторъ этой статьи былъ свидѣтелемъ, какъ въ 1862 году въ Смоленской губерніи, при введеніи уставныхъ граматъ, толпа крестьянъ въ 850 душъ, согласившихся уже наканунѣ на всѣ условія помѣщика (весьма благодушнаго и щедраго), вдругъ ни съ того ни съ сего отказалась отъ всякихъ соглашеній и въ одинъ голосъ галдѣла: „несогласны, будемъ ждать случнаго часа!“ Кто первый пустилъ этотъ глупый слухъ о случномъ часѣ и что такое значилъ этотъ случный часъ, того не знали и сами крестьяне, какъ я убѣдился потомъ изъ разговоровъ съ ними. Между тѣмъ эта исторія многимъ изъ ея участниковъ обошлась весьма недешево, а помѣщикъ, выведенный изъ терпѣнія слѣпымъ упорствомъ крестьянъ, отказался отъ всякихъ уступокъ въ ихъ пользу и уставная грамата была введена безъ опроса о ихъ желаніяхъ. Студенты нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, несмотря на всѣ прекрасныя науки, которыя имъ преподаются, увы! относительно свойства стадности ничѣмъ не лучше нашихъ крестьянъ. Дѣло въ томъ, что ни римское и государственное право, ни ботаники съ зоологіей, ни машиностроеніе съ химическою технологіей нимало не научаютъ молодого человѣка самостоятельности въ сужденіяхъ и осмотрительности въ поступкахъ,

а научаетъ этому только собственный житейскій опытъ каждаго изъ насъ. Только пройдя чрезъ собственный опытъ, соединенный съ наблюдательностью и размышленіемъ, человѣкъ узнаётъ, какъ рѣдко скромная истина и добродѣтель пользуются въ толпѣ почетомъ, какъ склонна масса увлекаться пустѣйшими, но громозвучными фразами и какъ легко могутъ заправлять ею личности самыя ничтожныя и нечестныя, но обладающія пронырливостью либо дерзостью. Учащаяся молодежь, какъ бы много она о себѣ ни мечтала, представляетъ для всякаго рода совращеній и поджигательствъ такую же податливую массу, какъ и крестьянская толпа. Одна темна по своему невѣжеству, другая по своей молодости, неопытности и неумѣренно—высокому о себѣ мнѣнію (гордость ослѣпляетъ человѣка—старинная истина). Одна вѣритъ какому-то случному часу; другая столь же безсознательно готова вѣрить, что матрикулы оскорбляютъ достоинство студенческаго званія, что закусочная, читальня, студенческая касса и право сходокъ составляютъ палладіумъ студенчества, въ родѣ нѣкоего habeas corpus англійской конституціи (таковы именно были „les grands principes des révolutions universitaires“ de 1861 et de 1878 въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ). Теперь роль случнаго часа играютъ у студентовъ требованія еще болѣе сумасбродныя, чѣмъ въ то время. Оказывается, что студенты восьмидесятыхъ годовъ, по своей умственной зрѣлости, нисколько не подвинулись впередъ сравнительно со своими предшественниками шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, не смотря на установленныя съ тѣхъ поръ испытанія зрѣлости въ гимназіяхъ и прибавку 8-го класса. Едва ли однако было бы справедливо заключить, что нынѣшніе студенты еще болѣе разуздались, чѣмъ прежніе. Вся разница въ томъ, что студентамъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ были подсунуты однѣ карты, а этимъ другія, тѣмъ была насвистана одна пѣсня, а этимъ другая, однимъ или двумя тонами повыше. Еслибъ студентовъ шестидесятыхъ годовъ подучили требовать конституціи, то они, ничтоже сумняся, потребовали бы и конституціи, какъ, по слухамъ, учинили это, во время послѣднихъ смутъ, студенты одного учебнаго заведенія. Но тогда, для произведенія эфекта и чтобъ не поразить молодежь неожи-

данностью требованій, считалось достаточнымъ пустить въ ходъ только матрикулы, кассы, право сходокъ и т. п.

Говоря о стадныхъ свойствахъ нашего студенчества, надобно не забывать, что толпа, изъ кого-бы она ни состояла, понимаетъ вещи совсѣмъ иначе, чѣмъ каждый изъ ея участниковъ въ отдѣльности. Каждый изъ насъ, несмотря на свои лѣта и образованіе, находясь въ толпѣ, способенъ поддаваться такимъ впечатлѣніямъ и совершать такіе поступки, которые были бъ для него немыслимы единолично. Самая безсодержательная, самая пошлая, но съ апломбомъ сказанная рѣчь какого-нибудь Губарева *) можетъ воспламенить толпу на какой угодно безумный поступокъ. Завтра многіе изъ слушателей, размышляя въ-одиночку о своемъ поступкѣ, будутъ бить себя кулакомъ по лбу за то, что дозволили увлечь себя такою пошлостью. Толпа никогда не мыслитъ, а только чувствуетъ и дѣйствуетъ. Она каждый представляющійся ей предметъ схватываетъ только чувствомъ и чувствомъ же опредѣляетъ свой образъ дѣйствій относительно этого предмета. Въ этомъ смыслѣ толпа представляетъ животное низшаго порядка, чѣмъ каждый изъ составляющихъ ее членовъ. Мало того, толпа есть въ полномъ смыслѣ слова субъектъ психопатическій, обладающій своею неотразимою — только не логикой, а мономаніей того или другаго вида, и этой мономаніи безусловно подчиняются всѣ отдѣльныя особи, составляющія этого огромнаго психопата. Какой-нибудь человѣкъ, скрывающійся въ толпѣ или стоящій впереди ея, непремѣнно знаетъ, чего онъ хочетъ, т. е. поступаетъ по холодному разчету ума; но толпу толкаетъ онъ впередъ, дѣйствуя исключительно на ея чувственную впечатлительность. Разница между толпой простонародья и толпой учащейся молодежи только въ томъ, что впечатлительность первой надобно возбуждать преимущественно какою-нибудь чисто матеріальной приманкой (земля-де будетъ ваша и не будете вы платить никакого оброка помѣщику), и чувственная впечатлительность черни бываетъ иногда способна разыграться въ сцены кровожаднаго насилія; поджигатели же молодежи всегда играютъ на самыхъ благородныхъ и велико-

*) Дѣйствующее лицо въ повѣсти Тургенева „Дымъ“.

душныхъ чувствахъ человѣческой природы, только направляя ихъ въ сторону безпорядка; но имъ никогда не удавалось довести нашу молодежь въ цѣлой массѣ до насильственныхъ дѣйствій. Большинство студентовъ все-же принадлежитъ если и не къ благовоспитаннымъ, то по крайней мѣрѣ къ миролюбивымъ семействамъ, и только малая часть ихъ бываетъ доставлена подонками населенія, въ томъ числѣ элементами завѣдомо враждебными общественному порядку въ нашемъ отечествѣ. Сцены безобразнаго буйства, какія на примѣръ разыгрались въ Кіевѣ, во время юбилея тамошняго университета, бывали обыкновенно дѣломъ незначительнаго меньшинства, состоявшаго именно изъ отребія студенчества, съ сильною примѣсью уличнаго сброда.

Другой вопросъ: почему никогда не отыскивались главные поджигатели студенческихъ безпорядковъ, т. е. поджигатели, дѣйствовавшіе сознательно, съ опредѣленною цѣлію? Да потому, что сами студенты, если-бъ и желали, не моглибъ указать этихъ главныхъ поджигателей. Студенты могутъ сказать, кто собралъ сходку, кто на ней ораторствовалъ, кто первый сдѣлалъ вызовъ на какой-нибудь нелѣпый фарсъ: но если вы поговорите по душѣ съ этими зачинщиками и ораторами, то убѣдитесь, что сами они ничего предъ собой не видѣли дальше „случнаго часа“, т. е. дальше какого-нибудь сумасброднаго требованія, часто до очевидности невыполнимаго, и дальше возбужденія минутнаго безпорядка, безъ всякаго представленія о томъ, что же будетъ далѣе. Толпа была уже прежде исподволь подготовлена ко спышкѣ, и вотъ вспышка зачалась съ этихъ, случайно выскочившихъ впередъ застрѣльщиковъ. Не выскочилибъ они, выскочили бы другіе, и повторялибъ точь-въ-точь тѣ же самыя сумасбродныя требованія. Какъ скоро извѣстная масса людей подготовлена къ безпорядкамъ многими предшествующими причинами и какъ скоро допустили ее собраться въ плотную толпу, то малой искры бываетъ достаточно для того, чтобъ произвесть взрывъ. Изъ этого вовсе однако не слѣдуетъ, чтобъ въ студенческихъ безпорядкахъ не было сознательныхъ поджигателей и руководителей: мы желали только сказать, что ихъ надобно искать не между тѣми горя-

чими головами или несмысленными юнцами, которые выскакиваютъ впередъ и громче другихъ ораторствуютъ. Наичаще эти послѣдніе суть только личности, сильнѣе другихъ воспламеняющіяся, иногда даже болѣе другихъ великодушныя и напрашивающіяся на подвиги самопожертвованія. Главные подстрекатели скрываются въ самыхъ заднихъ рядахъ студенческой толпы, молчаливые и наблюдающіе, или даже вовсе не являются въ минуту вспышки, въ увѣренности, что обработанное и нахлестанное ими Панургово стадо само выполнитъ свою роль въ наилучшемъ видѣ. Почти во всѣхъ прежде бывшихъ студенческихъ и уличныхъ безпорядкахъ несомнѣнно было доказано участіе постороннихъ подстрекателей. Жалкая и смѣшная демонстрація, учиненная зимой 1878 года на Казанской площади въ Петербургѣ нѣсколькими глупцами, пронесшими на головахъ „сына народа“ во образѣ какого-то оборваннаго мальчугана, съ цѣлію поджечь народъ къ бунту, была описана, по ошибкѣ, двумя днями раньше въ одной мадьярской газетѣ. Студенческіе безпорядки почти всегда вспыхивали одновременно въ разныхъ университетахъ, несомнѣнно указывая на то, что они были задуманы по одному общему плану и подожжены нарочито для того разосланными эмиссарами. Эти, такъ сказать, эпидемическіе студенческіе безпорядки всегда совпадали съ такими политическими обстоятельствами, когда нашимъ иностраннымъ друзьямъ надобно было запугать русское правительство призракомъ государственнаго переворота и чрезъ это сдѣлать его сговорчивѣй, либо отвлечь его вниманіе отъ тѣхъ вопросовъ, гдѣ его участіе было имъ нежелательно. При такихъ именно обстоятельствахъ произошли безпорядки въ университетахъ Петербургскомъ, Московскомъ и Казанскомъ лѣтомъ 1861 года, когда польскіе эмигранты обдумывали заграницей планъ возстановленія Рѣчи Посполитой. Въ слѣдующемъ 1862 году подожжены были въ Петербургѣ Апраксинъ и Щукинъ дворы и запылали ежедневные пожары въ разныхъ концахъ обѣихъ нашихъ столицъ; а затѣмъ въ январѣ слѣдующаго 1863 года послѣдовало предательское избіеніе русскихъ солдатъ въ Варшавѣ, подавшее сигналъ къ шляхетско-ксендзовскому бунту въ Царствѣ Польскомъ и

въ сѣверозападныхъ губерніяхъ *). Затѣмъ съ 1869 г. слѣдуетъ цѣлый рядъ студенческихъ волненій, большая часть которыхъ одновременно вспыхивала въ разныхъ университетахъ и совпадала съ усиліями нашихъ враговъ застращать русское правительство призракомъ народнаго бунта и сбить его съ занимаемыхъ имъ позицій. Въ 1869 году въ Петербургскомъ университетѣ была призвана полиція для обузданія безпорядковъ, возникшихъ между студентами спустя всего мѣсяцъ послѣ того, какъ, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея университета, въ Бозѣ почившій Императоръ повелѣлъ отпустить 30.000 р. на пособія бѣднымъ студентамъ и учредить 100 императорскихъ стипендій по 300 р. каждая. Въ 1878 г., т. е. въ годъ торжества русскаго оружія за Балканами и заключенія Санъ-Стефанскаго договора, вспыхнули безпорядки въ большей части нашихъ университетовъ. Въ Кіевѣ былъ брошенъ камень въ голову добродушнѣйшаго ректора и извѣстнаго профессора Матвѣева, въ слѣдствіе чего онъ получилъ сотрясеніе мозга и

---

*) Объ участіи нѣкоторыхъ профессоровъ Петербургскаго университета и военной академіи въ совращеніи русской и польской учащейся молодежи на путь, враждебный нашимъ народнымъ и государственнымъ интересамъ, находятся указанія въ драгоцѣнной для исторіи польскаго мятежа книгѣ: „Іосафатъ Огрызко и петербургскій революціонный ржондъ“, составленной членомъ Виленской слѣдственной комиссіи штабсъ-капитаномъ Н. В. Гогелемъ. Второе, значительно дополненное изданіе этой книги, напечатанное въ Вильнѣ въ 1867 г. съ дозволенія цензуры, было задержано и уничтожено по распоряженію виленскаго генералъ-губернатора графа Баранова. Немногіе, случайно уцѣлѣвшіе экземпляры этой книги составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Въ интересахъ отечественной исторіи было бы желательно, чтобъ кто-нибудь озаботился возстановленіемъ этой книги, съ согласія вдовы покойнаго Гогеля.

Въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ „Русской Старины“ 1888 г. помѣщена статья „Студенческія волненія въ Москвѣ 1861 г.“, написанная г. Шестаковымъ, который въ то время служилъ инспекторомъ студентовъ Московскаго университета, а въ послѣдствіи занималъ постъ попечителя Казанскаго учебнаго округа. Изъ этой статьи видно, что въ тогдашнихъ студенческихъ безпорядкахъ въ Москвѣ, длившихся около мѣсяца и подавленныхъ съ помощію войска, главными зачинщиками и руководителями были польскіе студенты, число которыхъ доходило тогда до четырехсотъ и во главѣ которыхъ стояли студенты Колышко (другъ Сѣраковскаго) и Длусскій, сдѣлавшіеся потомъ, во время польскаго бунта 1863 года, предводителями бандъ. Однако поляки дѣйствовали такъ хитро и мѣстныя московскія власти были такъ непроницательны, что за всю эту исторію поплатились одни русскіе студенты, неподозрѣвавшіе вовсе, какому они служили дѣлу и чьими руками были толкаемы къ безпорядку. Въ той же статьѣ говорится, что и въ Казанскомъ университетѣ студенческія волненія 1861 года были дѣломъ поляковъ, равно какъ и въ Петербургскомъ университетѣ, какъ засвидѣтельствовано сіе въ исторической запискѣ о петербургскомъ университетѣ, составленной профессоромъ Григорьевымъ.

скоро послѣ того умеръ. Въ Москвѣ безпорядки окончились избіеніемъ студентовъ простонародьемъ въ охотномъ роду. Въ 1882 г. опять призывается полиція для утишенія безпорядковъ въ Петербургскомъ университетѣ; а въ слѣдующемъ 1883 г., во время празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Кіевскаго университета, тамошніе студенты, соединившись съ подонками населенія, производятъ сцены безобразнаго буйства. Вспомнимъ, что въ эти именно года русское правительство, отрѣшившись отъ прежней своей политики, бывшей столь успокоительною для видовъ Австро-Мадьярской имперіи, вступило на путь національныхъ русскихъ интересовъ, а успѣхи нашего оружія близь самыхъ предѣловъ Авганистана всполошили англичанъ, съ тревогой взирающихъ на приближеніе наше къ Остъ-Индіи.

Съ 1864 года, т. е. со времени Каракозовскаго покушенія, слѣдовавшаго тотчасъ за подавленіемъ польскаго мятежа, какими-то невидимыми подстрекателями были возбуждаемы уличные безпорядки и спускались съ цѣпи убійцы и динамитчики, которые были впередъ заготовляемы и натравливаемы посредствомъ чтенія анархическихъ листковъ, издаваемыхъ за границей, и чрезъ воздѣйствіе кружковъ, составленныхъ изъ одичалыхъ негодяевъ и маніаковъ анархіи. Средства, которыми располагали члены этихъ кружковъ для поѣздокъ за границу, для печатанія тамъ возмутительныхъ брошюръ и литографій, въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ разбрасываемыхъ среди нашего народа, для заведенія внутри Россіи тайныхъ типографій и динамитныхъ лабораторій, для содержанія конспиративныхъ квартиръ и пр., ясно указываютъ на доставляемыя имъ откуда-то значительныя денежныя суммы, которыхъ никакъ не могли имѣть у себя сами русскіе анархисты, состоящіе преимущественно изъ подонокъ разныхъ сословій. Послѣдніе студенческіе безпорядки въ декабрѣ 1887 года, вспыхнувшіе одновременно, какъ бы отъ дѣйствія общаго электрическаго тока, почти во всѣхъ русскихъ университетахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, совпали съ усиліями западныхъ державъ запугать Россію четверною коалиціей и навсегда оттереть ее отъ Балканскаго полуострова. Это обстоятельство даетъ

возможность угадывать, съ какой стороны дуетъ враждебный намъ вѣтеръ. Русскіе нигилисты, влачащіе за границей свое существованіе въ нищетѣ и зубовномъ скрежетѣ, представляютъ для нашихъ политическихъ друзей самое сподручное орудіе для произведенія смутъ и какихъ угодно покушеній въ Россіи: за нѣсколько тысячъ шиллинговъ или гульденовъ они готовы къ услугамъ всякаго нанимателя и для всякаго преступнаго дѣла. Высшему петербургскому обществу не безъизвѣстно, что теперь обнаружены уже слѣды участія русскихъ заграничныхъ нигилистовъ въ послѣднихъ студенческихъ смутахъ; но ихъ эмиссары, изловчившіеся въ искусствѣ ускользать отъ рукъ полиціи, само собою разумѣется, не были захвачены. Ясно только для всякаго человѣка, способнаго наблюдать и разсуждать, что руки, направляющія фитили подъ наши университеты, находятся внѣ университетовъ: гдѣ-нибудь въ Лондонѣ, Буда-Ештѣ, Вѣнѣ, Букарештѣ, въ средѣ русской нищенствующей эмиграціи, въ самыхъ наконецъ русскихъ столицахъ; но горючіе матеріалы, скопившіеся въ университетахъ и другихъ перворазрядныхъ учебныхъ заведеніяхъ, суть несомнѣнно русскаго, домашняго приготовленія. Они заготовлены и обработаны до состоянія быстрой воспламеняемости множествомъ предшествующихъ обстоятельствъ: нашею литературой, нѣкоторыми нашими внутренними порядками, извращенностью понятій, распространенною во всѣхъ кругахъ нашего образованнаго и полуобразованнаго общества, наконецъ недостойнымъ поведеніемъ нѣкоторыхъ лицъ, имѣющихъ прямое вліяніе на студентовъ. Слишкомъ всѣмъ извѣстно, что между ними встрѣчались иногда такія, которыя, для пріобрѣтенія популярности между студентами, дозволяли себѣ чернить въ ихъ глазахъ дѣйствія и характеръ отвѣтственныхъ начальствующихъ лицъ, вздыхать о „безобразіяхъ“ тѣхъ или другихъ университетскихъ правилъ, проливать передъ студентами крокодиловы слезы о произволѣ властей, о стѣсненіи свободы университетскаго преподаванія и свободы печати и т. п. Если кому-либо изъ такихъ „радѣтелей молодежи“ предлагаютъ оставить его должность, то онъ драпируется передъ юношами въ трибунскую тогу Гракховъ и величаво удаляется на „священную гору“

(mons sacer), которую обыкновенно изображаетъ какое-нибудь правительственное или частное мѣстечко, съ окладомъ не меньшимъ, а иногда значительно даже превосходящимъ прежнее содержаніе этого лица. А бѣдные юноши, возбужденные его медоточивыми рѣчами, разбиваютъ себѣ лбы объ стѣну, либо добиваются до того, что двери учебнаго заведенія на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ закрываются. Въ чемъ же тутъ геройство и честно ли поведеніе такихъ трибуновъ молодежи? Нельзя также похвалить поведеніе тѣхъ профессоровъ, которые, при всѣхъ студенческихъ безпорядкахъ, постоянно отдѣлываются себялюбивымъ молчаніемъ, по пословицѣ: „моя хата съ краю, ничего не знаю“, какъ будто, кромѣ чтенія съ каѳедры своихъ тетрадокъ, они не имѣютъ къ студентамъ и къ учебному заведенію никакихъ нравственныхъ обязанностей. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что разумное, убѣжденное и мужественное слово, вóвремя сказанное съ кафедры профессоромъ, пользующимся уваженіемъ студентовъ, непремѣнно нашло бы откликъ въ ихъ сердцахъ и могло бы отрезвить ихъ отъ опьяненія напускными идеями безпорядка. Надобно не забывать, что и теперь, какъ назадъ тому двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ, огромное большинство студентовъ отнюдь не состоитъ изъ личностей испорченныхъ и опасныхъ для общества; напротивъ того, это большинство представляетъ собой матеріалъ внутри здоровый и способный принять самую лучшую обработку, доставить государству и обществу самыхъ преданныхъ и надежныхъ слугъ. Если жъ у насъ этотъ здоровый внутри матеріалъ принимаетъ по временамъ неблаговидную наружную окраску, если наша образующаяся молодежь такъ часто увлекается ложью и нелѣпостью и поддерживаетъ цѣлой массой безумныя требованія нѣкоторыхъ испорченныхъ или даже злоумышленныхъ личностей изъ своей среды, то происходитъ это отъ того, что никто не даетъ себѣ труда разъяснить вóвремя этой молодежи правду и противодѣйствовать множеству растлѣвающихъ ее вліяній, никто не принимаетъ къ сердцу ея настоящаго положенія и ея будущности, не войдетъ съ любовію въ ея внутренній міръ, въ ея вѣрованія, сомнѣнія и надежды; никто не протянетъ ей дружественной и опытной руки въ минуты ея колебаній и паденій. Одни пользуются довѣрчи-

востью молодежи для того, чтобъ играть передъ ней роль шарлатановъ и обманщиковъ; другіе относятся къ ней съ чистоказеннымъ равнодушіемъ и формализмомъ; третьи съ фарисейскимъ негодованіемъ побиваютъ ее камнями безпощаднаго осужденія. Оторванные отъ семействъ, обращающіеся исключительно въ своей студенческой средѣ, дѣля время между учебными занятіями, болѣе или менѣе напрягающими нервную систему, и незрѣлыми товарищескими бесѣдами, поглощая массу самой нездоровой литературной пищи въ нашихъ журналахъ и излюбленныхъ въ студенческомъ мірѣ книжкахъ извѣстнаго пошиба,—откуда наши студенты могутъ услышать голосъ трезвой истины и ощутить согрѣвающій лучъ любви къ нимъ, безъ которой нельзя пріобрѣсть ихъ довѣрія, нельзя имѣть на нихъ нравственнаго вліянія. Силъ, растлѣвающихъ нашу молодежь и сбивающихъ ее съ толку, множество, а силъ, направляющихъ ее къ добру и правдѣ, не видно ни откуда. Съ начала шестидесятыхъ годовъ журналы постоянно трубили въ уши нашей учащейся молодежи, что она образуетъ у насъ передовой классъ, призванный освѣщать путь обществу, что на чьей сторонѣ сочувствіе молодежи, на той сторонѣ и высшая мудрость, и сила, и будущность, а что̀ не нравится молодежи, въ томъ значитъ ретроградность, пошлость и холопство. Никто, конечно, изъ пускавшихъ въ ходъ такія нелѣпости не вѣрилъ, чтобъ подобная цивилизаторская роль могла принадлежать юношамъ, пришедшимъ учиться, вовсе незнающимъ многосложнаго механизма государственной жизни и даже мало еще знакомымъ съ простой обыденной жизнію людей, съ ея опасностями, обманами и разочарованіями. Были даже профессора и начальствующія лица, которые старались поддерживать у студентовъ такое преувеличенное о себѣ мнѣніе, а когда стрясалась надъ ними бѣда, то покидали ихъ, какъ стадо овецъ безъ пастыря.

Нигдѣ моральное вліяніе не бываетъ такъ необходимо, какъ при управленіи образующеюся молодежью; а у насъ-то оно и находилось всегда въ отсутствіи, будучи замѣняемо одними казенно-формальными отношеніями начальства и профессоровъ къ студентамъ, или же иногда противоположною крайностію—панибратствомъ со студентами, доводимымъ до участія въ ихъ пирушкахъ и до качанія начальства и профессоровъ на рукахъ,

съ подбрасываніемъ къ потолку *). Молодость инстинктивно чувствуетъ потребность опереться на какой-нибудь авторитетъ, и если не находитъ таковаго дома, то ищетъ его по околицамъ и дальнимъ распутіямъ. Случалось впрочемъ, что студенты, въ трудныя для нихъ минуты, обращались за совѣтомъ къ людямъ, дѣйствительно достойнымъ ихъ довѣрія. Такъ московскіе студенты, послѣ избіенія ихъ народомъ въ охотномъ ряду, въ началѣ 1878 года, обратились съ письмомъ къ покойномуДостоевскому, прося его отзыва и совѣта. „Всего нужнѣе для насъ, писали они, разрѣшить вопросъ, на сколько мы сами, студенты, виноваты, какіе выводы о насъ изъ этого происшествія можетъ сдѣлать общество и мы сами?“ Сколько въ этихъ словахъ юношескаго прямодушія и наивности! Такъ ли выражаются опасные злоумышленники и бунтовщики?

Достоевскій отвѣчалъ студентамъ со свойственными ему прямотою и проницательностью. (Письмо его было напечатано въ слѣдующемъ 1879 году въ Аксаковской Руси, откуда перешло и въ другія газеты). Въ этомъ письмѣ Достоевскій между прочимъ пишетъ слѣдующее: „Молодежь отшатнулась отъ народа. Живетъ мечтательно, отвлеченно, слѣдуя чужимъ ученіямъ; ничего не хочетъ знать въ Россіи, а стремится учить ее сама. А наконецъ теперь *несомнѣнно* (курсивъ въ подлинникѣ) попала въ руки какой-то совершенно внѣшней политической руководящей партіи, которой до молодежи ужъ ровно никакого нѣтъ дѣла и которая употребляетъ ее какъ матеріалъ и Панургово стадо для своихъ внѣшнихъ и особенныхъ цѣлей.

Какъ это мягко сказано даже Достоевскимъ: „какая-то внѣшняя политическая руководящая партія“, и какъ, значитъ, великъ страхъ у русскихъ писателей, чтобъ ихъ не превозгласили ретроградами, если они извѣстные предметы будутъ называть

---

*) Одна изъ такихъ пирушекъ была весьма живописно и не безъ злаго юмора изображена, если не обманываетъ насъ память, въ газетѣ Недѣля. Въ этомъ описаніи особенное впечатлѣніе на читателя производила картина двухъ фрачныхъ фалдъ, растопыривавшихся и развѣвавшихся въ воздухѣ при каждомъ подбрасываніи профессорскаго тѣла кверху. Бывали случаи, что такому шутовскому качанію подвергали даже ректора, этого высшаго сановника университетскаго самоуправленія, носящаго доселѣ въ Западной Европѣ титулъ „rector magnificus!“

ихъ настоящимъ именемъ). Не думайте отрицать этого, господа, это такъ. — Всего хуже то, что народъ уже увидѣлъ и замѣтилъ разрывъ съ нимъ интеллигентной молодежи русской, и худшее тутъ то, что уже назвалъ отмѣченныхъ имъ молодыхъ людей *студентами*. Онъ давно ихъ сталъ отмѣчать, еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; затѣмъ всѣ эти хожденія въ народъ произвели въ народѣ лишь отвращеніе. „Барченки“ говоритъ онъ (это названіе я знаю, я гарантирую его вамъ, онъ такъ назвалъ). Въ прошлую зиму, въ казанскую исторію нашу (т. е. во время глупой демонстраціи на площади Казанскаго собора въ Петербургѣ), народъ еще разъ назвалъ ихъ „барченками“, а хуже того — отмѣтилъ ихъ именемъ „студентъ“, хотя тутъ много было какихъ-то евреевъ и армянъ, ибо демонстрація, доказано, политическая, извнѣ. Такъ послѣ дѣла Засуличъ народъ у насъ въ Петербургѣ опять назвалъ уличныхъ револьверщиковъ студентами. Это скверно, хотя тутъ несомнѣнно были и студенты. И вотъ вы сами, господа, называете московскій народъ „мясниками“, вмѣстѣ со всей интеллигентной прессой. Почему же мясники не народъ? Это народъ, настоящій народъ. Мясникъ былъ и Мининъ. Негодованіе возбуждается лишь отъ того способа, которымъ проявилъ себя народъ. Но знаете, господа, если народъ оскорбленъ, то онъ всегда проявляетъ себя такъ. Онъ неотесанъ, онъ мужикъ. Бѣда въ томъ (и знаменательно то), что пресса, общество и молодежь соединились вмѣстѣ, чтобы не узнать народа: это дескать не народъ, это чернь. У насъ здѣсь въ Петербургѣ чортъ знаетъ что. Въ молодежи проповѣдь револьверовъ и убѣжденіе, что ихъ боится правительство. Народъ же они, по прежнему презирая, считаютъ ни во что и не замѣчаютъ, что народъ-то по крайней мѣрѣ не боится ихъ и никогда не потеряетъ голову. Ну что если произойдутъ дальнѣйшія столкновенія? Мы живемъ въ мучительное время, господа!“ Высказавъ студентамъ эти горькія истины, Достоевскій не присоединяется однако къ фарисеямъ, побивающимъ молодежь камнями и сваливающимъ на нее одну всю отвѣтственность. По его словамъ, „наша молодежь несетъ на себѣ ложь всѣхъ двухъ вѣковъ нашей исторіи. Не въ силахъ, стало быть, она разобрать дѣло въ полнотѣ, и винить ее нельзя. Надобно прежде всего увѣровать въ Бога; а это уже окончательно для

нашего европеизма невозможно (хотя и въ Европѣ вѣруютъ въ Бога)". Несомнѣнно, что эти прямодушныя и разумныя слова Достоевскаго заставили многихъ изъ числа московскихъ студентовъ взглянуть другими глазами на свои поступки и навсегда отрезвили ихъ отъ напущеннаго на нихъ угара.

Изъ медицинской статистики извѣстно, что скопленіе болѣзненныхъ нравственныхъ причинъ производитъ въ цѣлыхъ сословіяхъ и даже цѣлыхъ народахъ душевныя эпидеміи. Бываютъ эпидеміи самоубійствъ, эпидеміи поджигательства, эпидеміи такъ называемыхъ политическихъ убійствъ, точно такъ какъ въ средніе вѣка цѣлые города заражались нервно-психическою болѣзнью—пляской св. Витта. Какъ же вы хотите, чтобъ сумма всѣхъ дѣйствующихъ на нашу молодежь болѣзненныхъ вліяній, при полномъ почти отсутствіи противодѣйствующихъ и оздоравливающихъ средствъ, не производила по временамъ въ ея средѣ нравственныхъ эпидемій, въ родѣ на примѣръ предрасположенія къ своеволію и безпорядкамъ? Образующаяся молодежь, по своей впечатлительности и непосредственному прикосновенію ко всѣмъ обращающимся въ обществѣ идеямъ, непремѣнно должна отражать на себѣ, и отражать самымъ рѣзкимъ образомъ, всѣ пороки и заблужденія общества. Это есть фактъ психологическій, неизбѣжный, повторявшійся во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Нельзя, разумѣется, предоставить молодость ея произволенію, дать ей волю совершать безпорядки, во вредъ самой себѣ и всему обществу: но было бы въ высшей степени несправедливо карать ее безпощадно и дѣлать ее одну отвѣтственною за то, что составляетъ неизбѣжное послѣдствіе пороковъ и заблужденій всего общества. Пусть укажутъ намъ то сословіе въ нашемъ отечествѣ, гдѣ не были бы извращены самыя элементарныя понятія, лежащія въ основѣ человѣческихъ общежитій. Вспомнимъ, какъ встрѣтила вся безъ изъятія петербургская періодическая печать торжество Вѣры Засуличъ на нашемъ судѣ. Много лѣтъ уже спустя, одинъ изъ петербургскихъ судебныхъ чиновниковъ, уже не молодыхъ лѣтъ и притомъ сынъ одного изъ заслуженнѣйшихъ сенаторовъ, развивалъ однажды, въ присутствіи автора этой статьи, такую мысль, что оправданіе В. Засуличъ было вполнѣ законно и представляетъ одно изъ доказательствъ того, что наши присяжные и коронные судьи дѣйству-

ютъ на строго-правомъ основаніи. В. Засуличъ, по словамъ этого юриста, вовсе не желала убить генерала Трепова, а сдѣлала выстрѣлъ только для того, чтобъ обратить общее вниманіе на произволъ и злоупотребленія администраціи; если-жъ пуля попала въ генерала, то это произошло совершенно помимо воли Засуличъ, въ слѣдствіе понятнаго волненія этой особы и происходившаго отъ того дрожанія ея руки. Мы потому приводимъ это мнѣніе, что оно отнюдь не было единоличнымъ, а представляло отголосокъ образа мыслей множества лицъ въ нашемъ обществѣ, даже самомъ высшемъ. Въ 1882 г. газета, имѣвшая тогда наибольшее распространеніе въ Россіи, въ передовой статьѣ разсказывала такой, конечно придуманный случай, что будто одинъ парижскій рабочій указалъ полиціи долго разыскиваемаго ею убійцу (не изъ числа одного такъ называемыхъ политическихъ) и что за такой „гнусный доносъ“ отъ него отвернулись съ презрѣніемъ сперва его товарищи, потомъ всѣ обитатели околотка, наконецъ „все общество“, и онъ долженъ былъ искать убѣжища „въ офиціальной средѣ доносовъ“—поступить на службу въ полицію. Итакъ, по ученію этой газеты, воспитавшей цѣлое поколѣніе гражданъ, особенно изъ круга гражданскаго и военнаго чиновничества, общество отнюдь не должно, въ видахъ самосохраненія, помогать органамъ правосудія въ раскрытіи виновниковъ преступленій, ибо такая помощь правосудію есть подлый доносъ, заслуживающій презрѣнія, а полиція, которая, по прежнему, очевидно устарѣвшему нынѣ ученію, призвана помогать правосудію въ охраненіи нашей личной и имущественной безопасности, есть ничто иное, какъ „офиціальная среда доносовъ“. Вотъ какая мораль и какое государственное право преподавались изъ Петербурга всей читающей Россіи въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Въ средѣ столичныхъ мировыхъ судей, съ самаго учрежденія этой должности, данъ былъ лозунгъ побивать и унижать всякаго, кто имѣетъ несчастіе носить высокій чинъ или принадлежать къ высшему сословію, и наоборотъ—оказывать всякую поблажку безчинствамъ, дерзости и нечестности, совершаемымъ простолюдинами противъ лицъ привилегированнаго класса. Понятно, что такимъ судомъ побивался и унижался самый принципъ власти въ лицѣ ея органовъ и представителей. Поклоне-

ніе модным идеямъ, проповѣдываемымъ въ литературѣ, многіе судьи простерли до того, что у нихъ хозяинъ мастерской или наниматель рабочихъ всегда выходилъ виноватъ, а мастеровой и работникъ всегда правъ. Тутъ побивался уже принципъ собственности, или такъ называемаго въ нашей печати капитала, „эксплуатирающаго трудъ“. Уроки, преподававшіеся столичными мировыми судьями той эпохи, разносились по всей Россіи тысячами лицъ, проходившихъ чрезъ ихъ камеры въ качествѣ тяжущихся, обвиняемыхъ, свидѣтелей и простой глазѣющей и и поучающейся толпы. Даже полиція усвоила себѣ наконецъ эту особаго рода morale civique, пущенную въ ходъ столичными мировыми судьями купно съ печатью извѣстнаго пошиба. Полиція беретъ теперь подъ козырекъ и бѣжитъ разыскивать карету богатаго еврея или вообще разжившагося аферіста, хотя всѣмъ извѣстно, что они нажили свои милліоны посредствомъ смѣлаго и широко раскинутаго ограбленія государственной казны, и тутъ же гонитъ грубо отъ подъѣзда заслуженнаго труженика государственной службы, потому что онъ въ состояніи нанять себѣ только плохаго извощика. Примѣры, подобные приведеннымъ, можно бы умножить до безконечности. Все, что въ другихъ благоустроенныхъ странахъ почитается достойнымъ уваженія и охраны, какъ-то начала власти и собственности, личное достоинство человѣка, основанное на безупречномъ поведеніи и умственномъ образованіи, заслуги предъ государствомъ и обществомъ, почтительность низшихъ и подчиненныхъ передъ высшими и начальствующими, все это, въ теченіе 20 лѣтъ, было у насъ побиваемо, осмѣиваемо, принижаемо, въ угоду идеѣ какого-то грубаго и растрепаннаго демократизма. А между тѣмъ самые ярые поклонники этого демократизма (поклонники на счетъ чужаго кармана и достоинства) не брезгали простираться ницъ предъ золотымъ тельцомъ, какъ скоро надѣялись, что и на ихъ долю перепадутъ крохи, падающія съ его идольскаго жертвенника. Россія 20 лѣтъ находилась подъ терроромъ этого направленія и разузданныхъ имъ инстинктовъ дурной части общества и народа. Такой ходъ вещей долго ни съ чьей стороны не вызывалъ отпора, какъ будто Россія предназначена была явить міру образчикъ какого-то особаго, никогда прежде несуществовавшаго государства, гдѣ будутъ упразднены всѣ

дотолѣ испытанныя основы человѣческихъ общежитій и восторжествуютъ начала, почитаемыя во всемъ цивилизованномъ мірѣ источниками разложенія и разрушенія государствъ. Мы говоримъ здѣсь не о частныхъ злоупотребленіяхъ, зависящихъ отъ злой воли людской и неустранимыхъ ни при какомъ общественномъ и государственномъ строѣ. Мы говоримъ объ извращенности понятій, обуявшей цѣлое общество и вошедшей въ обычный, ежедневный кругъ явленій, такъ что каждое мнѣніе, каждый фактъ, противорѣчившіе этому извращенному кругу идей, встрѣчались и печатью, и обществомъ, и даже многими органами государственной власти, какъ явленіе отсталое, возмутительное, достойное быть преданнымъ общему позору, а если можно, то и матеріальному возмездію. Добавимъ къ этому бездушно-формальное отношеніе нашего образованаго общества (не говоря уже о полуобразованномъ слоѣ) къ религіи, которая одна могла бы еще дать нѣкоторую устойчивость нашимъ убѣжденіямъ и нравамъ въ этомъ водоворотѣ безпрестанно смѣняющихся нравственныхъ, соціальныхъ и политическихъ ученій. Откуда же, спрашивается, наша молодежь могла почерпнуть зрѣлость мнѣній и твердость убѣжденій, когда мы не имѣемъ ихъ сами? Откуда она могла получить любовь къ порядку и дисциплинѣ, когда нѣтъ такого извращеннаго понятія и такого порока, для оправданія которыхъ не было бы у насъ готовыхъ доводовъ? Правда, молодежь иногда выражаетъ свои заблужденія съ безоглядным увлеченіемъ, рубитъ съ плеча, безъ всякой осторожности, чего мы, люди уже пожившіе на свѣтѣ, конечно, не позволимъ себѣ сдѣлать: но таково свойство всякой молодости и неопытности. Зато, можно быть увѣрену, наше молодое поколѣніе далеко еще не достигло того совершенства въ двоедушіи и лицемѣріи, съ какимъ мы умѣемъ въ одно и то же время поклоняться и идеѣ демократизма и золотому тельцу, успѣвать дѣлать служебныя карьеры и пріобрѣтать популярность въ обманываемой нами толпѣ, однимъ словомъ—служить и нашимъ и вашимъ.

Было ды ошибочно полагать, что всѣ сказанныя дурныя качества нашего общества пріобрѣтены имъ недавно, то есть въ періодъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Напротивъ того, они большею частію составляютъ прямое наслѣдство на-

шего прошлаго, только они не имѣли тогда свободы высказывать себя открыто. Тѣмъ сильнѣе укоренялись эти пороки въ недосягаемой для дневнаго свѣта глубинѣ общественной почвы. Много однако прибавилось и новаго къ порокамъ, унаслѣдованнымъ нами отъ предковъ, прибавилось съ тѣхъ поръ, какъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, настежь были открыты намъ двери для сближенія съ Европой. Но потому-то именно мы и заимствовали отъ Европы гораздо болѣе худаго, чѣмъ хорошаго, что наша собственная почва болѣе была подготовлена къ принятію худыхъ сѣмянъ, чѣмъ хорошихъ. Не мудрено, что наша теперешняя образующаяся молодежь проявляетъ свойства менѣе симпатичныя, чѣмъ молодежь прежнихъ лѣтъ, сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ: ибо молодежь всегда и вездѣ была вѣрнымъ и самымъ отзывчивымъ выразителемъ нравственнаго состоянія общества. Черты грубости и растрепанности, бросавшіяся въ глаза у многихъ студентовъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, слѣдуетъ болѣе всего приписать тому обстоятельству, что именно съ начала шестидесятыхъ годовъ наши университеты и другія высшія учебныя заведенія стали наполняться особями изъ низменныхъ и самыхъ недоброкачественныхъ слоевъ населенія, преимущественно изъ нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ, чего не было прежде. Эти вовсе несоотвѣтствующіе назначенію университетовъ пришлецы, своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ уродствомъ, придали въ глазахъ населенія всему студенчеству весьма непривлекательный видъ: ибо всякое уродство, хотя бы оно принадлежало нѣкоторымъ, немногимъ частямъ цѣлаго, сильнѣе бросается въ глаза, чѣмъ достоинства остальнаго цѣлаго, и заставляетъ дѣлать неправильное заключеніе о цѣломъ. Но помимо этихъ, насильно притянутыхъ въ высшія учебныя заведенія недоброкачественныхъ элементовъ, остальная масса нынѣшнихъ студентовъ въ основѣ своей ничѣмъ не хуже студентовъ прежняго времени. Она представляетъ, какъ и тогда, матеріалъ, изъ котораго можно сдѣлать все хорошее и все худое. Если внѣшнія черты учащейся молодежи менѣе привлекательны теперь, чѣмъ въ былое время, то происходитъ это только отъ того, что окружающее молодежь общество стало теперь свободнѣе, чѣмъ прежде, проявлять свои свойства и

отражать ихъ, какъ въ зеркалѣ, въ своемъ младшемъ поколѣніи.

Приведемъ примѣръ изъ отдаленныхъ воспоминаній нашего собственнаго студенчества въ доказательство того, что и прежніе студенты, точь-въ-точь какъ нынѣшніе, способные были безсознательно подчиняться постороннему вліянію и безъ всякой причины, единственно по стадному свойству всякой толпы, доходить до задора и безчинства. Въ началѣ 1845 года, адъюнктъ Московскаго университета Грановскій защищалъ свою магистерскую диссертацію. Задачею ея было доказать, что городъ Винетта, упоминаемый въ западно-славянскихъ хроникахъ, и нѣмецкій городъ Іомбургъ суть различныя названія одного и того же мѣста. Грановскій былъ популярнѣйшимъ изъ московскихъ профессоровъ того времени. Онъ не читалъ, не разсказывалъ, а живописалъ исторію среднихъ вѣковъ, представляя ее въ живыхъ и выпуклыхъ образахъ. При этомъ онъ сопровождалъ свою живопись глубоко прочувствованнымъ и изящнымъ изложеніемъ тѣхъ гуманныхъ идей человѣческаго прогресса и права, которыя заставляютъ усиленно биться всякое молодое сердце. Нѣкоторою долею своей популярности Грановскій обязанъ былъ также и своей крайней снисходительности къ студентамъ: менѣе трехъ онъ никому не ставилъ на экзаменахъ, хотя бы экзаменующійся не зналъ главнѣйшихъ фактовъ данной эпохи Кѣмъ-то пущенъ былъ слухъ между студентами всѣхъ факультетовъ, что надобно торжественно заявить Грановскому, во время диссертаціи, сочувствіе студентовъ. Въ чемъ именно будетъ состоять такое заявленіе сочувствія, никто изъ насъ не зналъ, а самую дисертацію едвали кто изъ студентовъ держалъ даже въ рукахъ; знали только, что должно произойти что-то необыкновенное — и на диссертацію толпой повалили студенты со всѣхъ факультетовъ. Большая зала новаго университета не могла вмѣстить всѣхъ пришедшихъ, такъ что часть ихъ столпилась въ обширной передзальной комнатѣ и въ двухъ сосѣднихъ аудиторіяхъ. Едва Грановскій взошелъ на каѳедру, какъ, по чьему-то почину, раздалось оглушительное хлопанье въ ладоши. Затѣмъ каждое слово Грановскаго, равно какъ и тѣхъ профессоровъ, которые его поддерживали, сопровождалось такимъ же взрывомъ руко-

плесканій, а каждое возраженіе его оппонентовъ встрѣчаемо было шиканьемъ, топаньемъ ногъ и стукомъ стульевъ со стороны всей огромной толпы, состоявшей болѣе чѣмъ изъ 700 человѣкъ. Картина безчинства вышла полная и самая удручающая для всякаго истиннаго друга просвѣщенія. Молодые люди и юноши, пришедшіе учиться, обратили свой храмъ науки въ балаганъ свистопляски. а себя въ толпу бушующихъ и безсмысленныхъ невѣждъ. Ничего не разумѣя въ тѣхъ ученыхъ мнѣніяхъ, которыя подвергались предъ ними состязанію, они дозволили себѣ одни изъ этихъ мнѣній защищать хлопаньемъ въ ладоши, а другія опровергать шиканьемъ и стукомъ. Чѣмъ же мы были тогда лучше нынѣшнихъ студентовъ, заглушающихъ своимъ крикомъ всѣ обращаемые къ нимъ доводы разума и самосохраненія и настаивающихъ на исполненіи разныхъ нелѣпыхъ своихъ требованій? Точь-въ-точь какъ нынѣшніе студенты, мы дѣйствовали безсознательно, безпричинно и безцѣльно, по внушенію какихъ-то невѣдомыхъ намъ личностей, и подобно нынѣшнимъ студентамъ проявили въ себѣ всѣ стадныя свойства толпы и весь задоръ молодости. Мы кричали и бѣсновались съ такимъ задоромъ, какъ будто дѣло шло объ отстаиваніи самыхъ дорогихъ, самыхъ жизненныхъ нашихъ интересовъ, тогда какъ большинство насъ, принадлежа къ другимъ факультетамъ, не имѣло никакихъ отношеній къ Грановскому и его оппонентамъ (Бодянскому и Шевыреву); не мало было даже такихъ, которые видѣли его тогда въ первый разъ въ жизни. Между тѣмъ многіе изъ насъ готовы бы были скорѣе подвергнуться исключенію изъ университета, чѣмъ, на глазахъ другихъ студентовъ, уступить требованію начальства (если бъ таковое было намъ предъявлено) и прекратить безчинства. Для демонстрацій во вкусѣ нынѣшняго времени, т. е. для протестовъ противъ распоряженій начальства или правительства, студенты того времени не были еще подготовлены: ибо ни въ обществѣ, ни въ литературѣ, ни тѣмъ менѣе въ стѣнахъ университетовъ они не находили для себя пищи этого рода. Горячія и забубенныя головы въ родѣ Полежаева (въ 30-хъ годахъ) были единичными исключеніями и не производили вліянія на массу студентовъ. Но вѣдь и описанная здѣсь исторія, при неумѣломъ дѣйствіи университетскаго началь-

ства, могла бы быть возведена въ „политическую“. Стоило только обратиться къ семисотенной массѣ студентовъ съ рѣзкимъ окрикомъ и угрозами, и поднялась бы еще большая буря, но уже прямо направленныя противъ университетскихъ властей. Такой экстренный случай пришлось бы по необходимости довести до свѣдѣнія Петербурга. Сколько было бы разослано солдатами въ сибирскіе баталіоны и на Кавказъ, гдѣ многіе изъ насъ, среди ужасной для образованнаго молодаго человѣка обстановки, загрубѣли бы умомъ и сердцемъ и навсегда погибли бы нравственно. Къ нашему счастію, университетомъ правилъ тогда, и правилъ самодержавно, нашъ незабвенный графъ Сергѣй Григорьевичъ. Во время всей этой бурной сцены, онъ не шелохнулся, ни разу не обернулся назадъ въ сторону студентовъ, тогда какъ его помощникъ металъ на насъ молніеносные взоры, и, если бъ не былъ сдерживаемъ безмолвнымъ спокойствіемъ главнаго начальника, то готовъ бы былъ разразиться крикомъ и словами повелительной команды. Графъ понялъ, что сдѣлана была ошибка чрезъ допущеніе на диссертацію семисотенной толпы, къ чему очевидно не было никакого разумнаго основанія, ибо публичность диссертацій не значитъ еще, что онѣ должны служить мѣстами сборища для праздной толпы. Оставалось или безмолвно выдержать сцену задора и безчинства, присущихъ всякой толпѣ, или неумѣстною горячностью подлить масла въ огонь и вызвать бурю, исхода которой нельзя бы было и предвидѣть. Спустя нѣсколько дней, графъ потребовалъ къ себѣ по два человѣка съ каждаго курса и каждаго факультета, и въ спокойныхъ словахъ объяснилъ все неприличіе и даже постыдность поведенія студентовъ во время этой сцены, поручивъ имъ передать его слова всѣмъ студентамъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Вотъ что значитъ присутствіе надъ студентами личности благородной, разумной и полномочной, однимъ словомъ присутствіе авторитета не только офиціальнаго, но и нравственнаго. При другой обстановкѣ университета, могла бы повториться Сандуновская исторія (30-хъ годовъ), когда было разжаловано въ солдаты и послано на Кавказъ нѣсколько московскихъ студентовъ, въ томъ числѣ Антоновичъ, дослужившійся потомъ до генералъ-лейтенанта и попечителя Кіевскаго учебнаго округа. Какъ было бы ошибочно, по поведенію московскихъ студентовъ

на диссертаціи Грановскаго, судить объ общемъ ихъ настроеніи, дѣлать заключеніе, что это были молодые люди распущенные и опасные для общественнаго порядка, хотя вѣроятно и были такіе политиканы, которые дѣлали о насъ тогда такое заключеніе. Между тѣмъ московскіе студенты сороковыхъ годовъ доказали потомъ на всѣхъ поприщахъ службы и частной дѣятельности, что они вынесли изъ стѣнъ своего, благоговѣйно любимаго ими университета преданность закону и порядку, любовь къ труду и истинному просвѣщенію и глубокое чувство своей русской народности. Никто изъ нихъ не запятналъ себя преступленіемъ, а многіе положили всѣ силы свои на службу отечеству, въ качествѣ администраторовъ, судей, педагоговъ, воиновъ, ученыхъ писателей, участниковъ великихъ реформъ начала прошедшаго царствованія, и пріобрѣли право на благодарность потомства. Потому-то мы желали бъ всѣмъ сердцемъ, чтобы внутренній голосъ чаще напоминалъ людямъ, стоящимъ у власти: оберегайте молодость отъ соблазновъ, не щадя соблазнителей, отстраняйте ее во время отъ тѣхъ поступковъ, которые неизбѣжно должны привести ее къ худымъ послѣдствіямъ; но будьте снисходительны къ ея увлеченіямъ и ошибкамъ, не казните ее безпощадно за то, въ чемъ она является лишь отголоскомъ воспитавшаго ее общества,—и молодость заслужитъ потомъ сторицей оказанныя ей попеченіе и снисхожденіе.

Вернемся на минуту къ достопамятной для насъ личности попечителя московскаго учебнаго округа графа Строгонова (1835—1848 г). Пусть не думаютъ, что это былъ начальникъ во вкусѣ тѣхъ личностей новѣйшей формаціи, которыя, панибратствомъ со студентами и выплясываніемъ по ихъ дудкѣ, старались пріобрѣсть между ними популярность. Напротивъ того, графъ Строгоновъ держалъ себя не только предъ студентами, но и предъ профессорами, вполнѣ начальственно и вельможно. Онъ не былъ искателемъ мишурной популярности между студентами; не сталъ бы расшаркиваться передъ ними, если бы они вздумали читать ему нотаціи и предъявлять разныя требованія, какъ было въ университетахъ потомъ, въ шестидесятыхъ годахъ. Но, во первыхъ, это былъ истинный другъ просвѣщенія, чего нельзя было сказать о нѣкоторыхъ высшихъ лицахъ министерства народнаго просвѣщенія того времени и

слѣдовавшей затѣмъ эпохи; во вторыхъ онъ никогда не забывалъ естественныхъ и неизбѣжныхъ свойствъ всякой молодости, ея воспламеняемости и неопытности, и не выдавалъ насъ на пропятіе въ случаѣ нашихъ преткновеній и паденій, памятуя слова псалмопѣвца: „грѣховъ юности моей и невѣдѣнія моего не помяни“. Когда, подъ вліяніемъ событій 1848 года, отъ него было потребовано, чтобъ онъ измѣнилъ свой образъ дѣйствій, то онъ предпочелъ немедленно оставить попечительство. Съ нимъ вмѣстѣ покинулъ университетъ и вѣрнѣйшій исполнитель его самодержавно-гуманной системы, инспекторъ студентовъ, нашъ благодушнѣйшій и суровѣйшій въ обращеніи Платонъ Степановичъ Нахимовъ. Оба они не искали популярности между студентами, какъ не искали и выслужиться противоположной крайностью; а вотъ московскіе студенты того времени, уцѣлѣвшіе еще отъ косы Сатурна, 40 лѣтъ помнятъ ихъ и благословляютъ ихъ память.

Отъ людей, осуждающихъ безпощадно нашихъ студентовъ за производимые ими безпорядки, часто можно слышать, что только де русскіе студенты способны на такіе поступки и что ничего подобнаго не случается въ другихъ университетахъ. Такое утвержденіе совершенно ложно и происходитъ или отъ незнанія фактовъ, или еще чаще отъ умышленнаго желанія опорочить и представить въ черномъ видѣ все русское. Кому же, слѣдящему за современными событіями, не извѣстно, что многіе изъ европейскихъ университетовъ и, притомъ изъ числа извѣстнѣйшихъ, нѣсколько разъ были ареной самыхъ бурныхъ безпорядковъ и даже выставляли изъ своихъ питомцевъ цѣлые полки революціонныхъ бойцовъ. Студенты Вѣнскаго университета были одними изъ первыхъ зачинщиковъ революціи 1848 года и почти въ полномъ составѣ приняли участіе въ уличныхъ битвахъ съ войскомъ. Равнымъ образомъ студенты Берлинскаго и многихъ другихъ германскихъ университетовъ приняли дѣятельное участіе въ безпорядкахъ 1848 года. Даже степенная чешская молодежь Пражскаго университета нѣсколько разъ устраивала бурныя демонстраціи противъ распоряженій правительства. Мы не говоримъ уже про французскихъ и италіанскихъ студентовъ, которые во всѣ времена отличали себя частными безпорядками политическаго свой-

ства. Въ настоящую даже минуту *) Римскій университетъ пребываетъ закрытымъ, въ слѣдствіе, какъ сказано въ телеграммѣ, непрекращающихся безпорядковъ. Надобно думать, что эти безпорядки весьма серьезнаго свойства, если на такую мѣру рѣшилось нынѣшнее италіанское правительство, старающееся играть роль не только либеральнаго, но даже радикальнаго.

Авторъ этой статьи имѣлъ возможность не прежде, какъ спустя уже двѣ недѣли послѣ закрытія дверей петербургскаго университета въ декабрѣ прошедшаго года, видѣться съ нѣкоторыми близко знакомыми ему студентами изъ числа принимавшихъ участіе въ сходкахъ. Онъ былъ пораженъ сильнѣйшею душевною возбужденностью, въ которой находились эти молодые люди. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова психическій аффектъ, однако не тотъ, который наши медики-психіятры такъ часто отыскиваютъ въ субъектахъ, обвиняемыхъ на судѣ въ совершеніи преступленій, но аффектъ дѣйствительный, очевидный, со всѣми признаками временнаго умственнаго повреждения: горячечные взоры, дрожащій отъ волненія, прерывистый голосъ, рѣзкіе жесты, потокъ рѣчей несообразныхъ, требованій сумасбродныхъ. Эти молодые люди кого-то проклинали, кому-то грозили, что-то клялись довести до конца. Тутъ были перемѣшаны предметы, непосредственно касавшіеся петербургскихъ студентовъ, съ такими, до которыхъ имъ не было никакого дѣла или которые, по своей мелочности, казались смѣшными; высказывались жалобы и обвиненія или до крайности преувеличенныя, или вызванныя обстоятельствами вполнѣ нормальными, но которыя только возбужденному воображенію студентовъ казались чѣмъ-то возмутительнымъ. Въ производимой университетскою инспекціей повѣркѣ посѣщенія лекцій студентами и въ зачетѣ имъ семестровъ они видѣли посягательство на ихъ личную свободу и оскорбленіе достоинства студенческаго званія. Въ назначеніи профессоровъ правительствомъ, а не по выбору профессорской коллегіи, равно какъ и въ недавнемъ удаленіи нѣкоторыхъ профессоровъ они находили нарушеніе принципа университетскаго самоуправленія. Вообще весь новый университетскій уставъ они признавали

*) Статья эта писана въ февралѣ 1888 г.

никуда негоднымъ и заслуживающимъ упраздненія. Въ то же время они чувствовали себя глубоко униженными и оскорбленными уничтоженіемъ студенческой читальни и особенно—обращеніемъ этой комнаты для другаго, менѣе возвышеннаго предназначенія. Въ наблюденіи университетскою полиціей за подозрительными личностями между студентами и въ мѣрахъ, принимаемыхъ для предупрежденія безпорядковъ, подобныхъ нынѣшнимъ, студенты усматривали инквизицію и шпіонство. Но въ особенности возмущались они удаленіемъ изъ университета, въ теченіе прошедшаго лѣта и осени, нѣсколькихъ студентовъ, вліяніе которыхъ было признано вреднымъ для порядка и спокойствія университета. Они считали долгомъ товарищества и мнили себя въ правѣ требовать возвращенія этихъ студентовъ (такъ называемыхъ ими „южанъ", т. е. уроженцевъ южныхъ губерній), безъ чего признавали возстановленіе порядка невозможнымъ. Здѣсь же примѣшивались дѣтски-несмысленныя сужденія и требованія по поводу кары, постигшей студента, который совершилъ въ Москвѣ наглый и позорный для всего университета поступокъ. „Мы сами знаемъ, прибавляли нѣкоторые, что требованія наши неисполнимы; но намъ надобно отомстить за исключенныхъ и высланныхъ нашихъ товарищей и поскорѣе добиться окончательной развязки, т. е. закрытія университета". Надобно замѣтить, что въ числѣ молодыхъ людей, находившихся въ этомъ состояніи невмѣняемости поступковъ, были и такіе, которыхъ авторъ этой статьи, зная со времени ихъ дѣтства, всегда считалъ спокойными по характеру и разсудительными. Между нѣкоторыми, наиболѣе возбужденными, и надобно прибавить—наиболѣе ограниченными по уму, ходила уже мысль о мученичествѣ, о принесеніи себя въ жертву на алтарь товарищества. Такъ было настегано чьею-то невидимою плеткой это достойное жалости Панургово стадо! Оно прямо бѣжало въ пропасть, съ задорнымъ блеяніемъ и топотомъ, не замѣчая, что кто-то стоитъ сзади, потираетъ руки и злобно усмѣхается успѣху своего проклятаго дѣла. Было ясно, что нервная возбужденность студентовъ успѣла уже принять эпидемическій характеръ, что тутъ чувствуетъ, говоритъ и дѣйствуетъ не та или другая отдѣльная личность, а тотъ громадный психопатиче-

скій субъектъ, передъ которымъ исчезаютъ умъ и воля отдѣльныхъ лицъ. Слушая этихъ молодыхъ людей, вполнѣ еще находившихся подъ дѣйствіемъ психическаго аффекта, сообщеннаго имъ толпой, мнѣ такъ и видѣлась картина смоленскихъ мужиковъ съ ихъ „случнымъ часомъ“, или московскихъ студентовъ, вошедшихъ въ стадный азартъ во славу диссертаціи Грановскаго, въ которой они не понимали ни одного слова. При этомъ я сдѣлалъ наблюденіе, что наиболѣе горячились молодые люди съ впечатлительнымъ и великодушнымъ характеромъ, но съ неособенно сильнымъ умомъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ хорошо успѣвали въ наукахъ. (Извѣстно, что успѣшное прохожденіе учебнаго курса далеко еще не означаетъ проницательнаго ума). Они-то именно и проводили ту мысль, что надобно, во что бы то ни стало, отстоять и вернуть въ университетъ товарищей-южанъ и что студенты достаточные (каковыми и были они сами) обязаны быть впереди другихъ, потому что они теряютъ гораздо менѣе бѣдняковъ чрезъ исключеніе изъ университета.

Замѣчательно, что какъ ни сильно было умственное затмѣніе студентовъ, съ которыми довелось мнѣ бесѣдовать, но два представленные мною довода заставили ихъ задуматься и, какъ кажется, подѣйствовали на нихъ отрезвляющимъ образомъ. Вотъ вы говорите, замѣтилъ я имъ, что надобно довести дѣло до конца, добиться окончательнаго прекращенія университетскихъ лекцій. Какъ же это вы, молодые люди, имѣющіе столь преувеличенное мнѣніе о свободѣ вашей собственной воли, посягаете на свободу другихъ, даже вовсе вамъ неизвѣстныхъ людей, дѣлаете разбойническій наѣздъ на слѣдующіе за вами выпуски гимназистовъ, желающихъ продолжать ученье, и хотите отнять у нихъ способы серьезнаго образованія? Почемъ вы знаете, быть можетъ они будутъ вѣрить, что прогрессъ Россіи, умственный и политическій, можетъ быть завоеванъ только трудомъ, знаніемъ и порядкомъ, а не бездѣльемъ, диллетанствомъ и своеволіемъ? Вы, прикрывающіеся знаменемъ просвѣщенія, добиваетесь разрушить просвѣщеніе въ Россіи. Вы хотите лишить ее и того небольшаго запаса подготовленныхъ строгою наукой дѣятелей, которыхъ доставляетъ ей трудолюбивое и преданное одной наукѣ меньшинство университетскихъ студентовъ. Вы

такимъ образомъ являетесь истинными врагами просвѣщенія въ своемъ отечествѣ, врагами лучшихъ изъ вашихъ товарищей, которые желали бъ докончить въ университетѣ свое образованіе, наконецъ врагами слѣдующихъ за вами поколѣній молодежи. Если для васъ не страшны исключеніе изъ университета и тѣ законныя кары, которыя могутъ послѣдовать за вашими поступками, то неужели вы не чувствительны къ проклятію и презрѣнію, которыя на васъ обрушатся отъ всѣмъ истинныхъ друзей просвѣщенія въ вашемъ отечествѣ, отъ родителей и отъ дѣтей, когда эти послѣднія придутъ въ вашъ возрастъ? Далѣе, вотъ и другое противорѣчіе въ вашихъ поступкахъ, обнажающее всю ихъ фальшь и безсмысленность: въ одномъ случаѣ вы разыгрываете роль какой-то чувствующей свою силу оппозиціи правительству, протестуете противъ его уставовъ и распоряженій, и даже прямо становитесь въ позу революціонеровъ, идя на проломъ, собираясь въ двухтысячную массу и требуя смѣны своего начальства и уничтоженія приговора, постановленнаго высшею властію; въ другомъ же случаѣ, когда васъ помнутъ казаки или полиція, какъ это случилось теперь въ Москвѣ, вы жалобнымъ голосомъ вопіете, что это варварство, что нельзя поступать съ вами такъ грубо, потому-де что вы еще юноши и ученики, что вы хотѣли только пошутить, а васъ взаправду приняли за бунтовщиковъ. Какъ вамъ покажется такая логика? Не отзывается ли она мальчишествомъ либо крайнимъ скудоуміемъ? Если вы хотите быть прикрыты знаменемъ науки, въ качествѣ ея адептовъ, пришедшихъ учиться, такъ не выходите жъ изъ-подъ этого знамени, не позорьте его въ глазахъ правительства и всего русскаго народа, не обращайте себя въ буйную и дерзкую толпу нарушителей общественнаго порядка, и тогда знамя науки защититъ васъ въ минуты вашихъ ошибокъ и преткновеній, столь частыхъ въ вашемъ возрастѣ. Но какъ скоро вы начинаете бушевать, идете напроломъ, становитесь въ позу революціонеровъ, то вы должны знать, если не по логикѣ, которая у васъ оказывается такъ слаба, то по прежнимъ примѣрамъ, что вы непремѣнно столкнетесь съ матеріальною силой, которая васъ не пощадитъ и предъ которою вы не болѣе, какъ шумящій рой комаровъ. Если жъ вы сами напрашиваетесь на столкновеніе съ матеріальною силой, то при-

нимайте жъ и всѣ послѣдствія этого столкновенія, а не вопите жалобно, какъ несмысленныя дѣти, что васъ помяли, что такого-то чуть не зашибли. Вы на это говорите, что васъ нельзя сравнивать съ революціонерами потому-де, что вы собираетесь безъ оружія. Какое дѣтское разсужденіе! Сегодня собралась толпа студентовъ въ двѣ тысячи человѣкъ, требуетъ смѣны своего начальства, отмѣны устава, измѣненія приговора, постановленнаго высшимъ правительствомъ, и все это несомнѣнно совершаетъ безъ палокъ и револьверовъ. Завтра, по вашему примѣру, соберется на сѣнной толпа простолюдиновъ въ десять тысячъ человѣкъ, также безъ топоровъ и рогатинъ, и потребуетъ смѣны градоначальника, отмѣны прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и т. п. Наконецъ выйдутъ и солдаты изъ своихъ казармъ, опять-таки безъ штыковъ и сабель, и потребуютъ смѣщенія полковыхъ командировъ, отмѣны тѣхъ или другихъ строгостей военной дисциплины. Что же это по вашему, не революція въ ей чистѣйшемъ смыслѣ? Развѣ не слѣдуетъ всѣмъ мирнымъ гражданамъ бѣжать, куда глаза глядятъ, изъ того города, гдѣ совершаются такія невооруженныя демонстраціи? Вѣдь хватаніе того, что попадется подъ руку, камней, дреколій, ружей и сабель есть уже послѣдній, пятый актъ трагедіи, а четыре первыхъ акта всегда состоятъ именно изъ сказанныхъ „мирныхъ“ демонстрацій. А вы, господа юристы, еще изучаете всемірную исторію. Знаете ли, отчего вы такъ волнуетесь и предъявляете требованія столь несообразныя со здравымъ смысломъ? Оттого, что вы еще умственныя дѣти, а взялись произносить приговоръ надъ тѣмъ, надъ чѣмъ и очень умные и опытные люди всѣхъ странъ много ломали голову—надъ устройствомъ образованія юношества. Если вамъ не нравятся университетскіе порядки, то кто же вамъ мѣшаетъ оставить университетъ? Вмѣсто того вы требуете, чтобъ правительство, открывшее вамъ даровое образованіе, отказалось отъ своего права давать этому образованію устройство, соотвѣтствующее видамъ правительства. Кто не признаетъ правительства правительствомъ и извѣстное учрежденіе имѣющимъ право заботиться о своемъ благосостояніи и самосохраненіи, тотъ и не долженъ прибѣгать къ благодѣяніямъ этого правительства и этого учежденія. Въ чужой монастырь со своимъ уста-

вомъ не ходятъ—эту простую истину знаетъ каждый русскій. Если въ новомъ университетскомъ уставѣ есть какія-нибудь частныя погрѣшности, какія-нибудь трудности, дѣйствительно непреодолимыя для студентовъ, что весьма возможно, то исправленіе ихъ надобно предоставить совмѣстному обсужденію правительства и опытнѣйшихъ изъ вашихъ профессоровъ, а ужъ никакъ не студенческой толпѣ, въ которой главными ораторами всегда являются студенты наименѣе способные судить о столь важныхъ вопросахъ. Вы, повидимому, думаете, что правительство васъ боится. Разувѣрьтесь: не боится, а жалѣетъ. Если бъ боялось, то давно стерло бъ васъ съ лица земли, ибо, повторяю, вы не болѣе, какъ надоѣдливые комары. Съ чужаго голоса, вы пріурочиваете свои протесты и требованія къ правамъ народа, выдаете себя за народниковъ. Ну что же, господа, выходите съ вашими протестами на площадь, объявите ихъ предъ народомъ. Если ваше дѣло общее съ народомъ, съ его нуждами и желаніями, то онъ васъ поддержитъ и подниметъ на руки. Что же вы боитесь? Нѣтъ, видно то, чего вы требуете, глубоко претитъ народу. Вѣдь онъ считаетъ васъ барчуками и бѣлоручками, зазнавшимися оттого, что мало у васъ настоящаго, труженическаго дѣла, что легко даются вамъ въ ротъ пироги, спеченные не вашими руками. Въ прежніе, давнишніе годы, когда студенты не разыгрывали роли бунтовщиковъ, они пользовались сочувствіемъ и даже уваженіемъ отъ всѣхъ сословій, ибо въ нихъ видѣли будущихъ просвѣщенныхъ слугъ государства. Народъ нашъ, хотя самъ и теменъ, но въ душѣ уважаетъ истинное просвѣщеніе и преклоняется предъ нимъ. А теперь студентъ въ понятіяхъ народа сталъ чѣмъ-то такимъ, отъ чего надобно чураться, отъ чего надобно оберегать своихъ дѣтей.

Если эти доводы замѣтнымъ образомъ подѣйствовали на моихъ слушателей, то это, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ приписать именно тому, что они были обращены къ добрымъ чувствамъ ихъ молодой, еще неиспорченной въ конецъ природы, къ чувствамъ справедливости и прямодушія, представляли имъ всю преступность нарушенія ими правъ будущихъ поколѣній и всю постыдность игранія ими двойственной роли.

Многіе студенты прямо сознавались своимъ родителямъ и

близкимъ людямъ, что они приняли участіе въ сходкахъ невольно, подъ давленіемъ массы, вполнѣ сознавая нелѣпость и незаконность происходившихъ тамъ разсужденій и заявленій, что они единственно уступили чувству ложнаго стыда предъ толпой, когда зачинщики сходокъ стали кричать: „тотъ будетъ измѣнникъ и подлецъ, кто уйдетъ со сходки!“ Были однако и утѣшительныя исключенія даже въ томъ небольшомъ числѣ студентовъ, съ которыми довелось мнѣ вести бесѣду. Одинъ напримѣръ студентъ, принадлежащій къ числу тѣхъ привилегированныхъ натуръ, которымъ природа дала дальнозоркій и широкій умственный взоръ, съ жалостью говорилъ мнѣ о близорукости массы студентовъ и отсутствіи въ ней всякой силы нравственнаго сопротивленія. Онъ относился къ давленію толпы съ полнымъ равнодушіемъ, сознавая ея безсмысленность и считая унизительнымъ для человѣческаго достоинства преклоняться предъ ея деспотизмомъ.

Поступки и требованія студентовъ петербургскаго университета (о другихъ авторъ ничего не знаетъ) способны своею безразсудностію ошеломить посторонняго человѣка и заставить его усомниться въ нормальности умственныхъ способностей этой двухтысячной массы молодыхъ людей, двукратно допущенной сплотиться въ тѣсную толпу. Но на самомъ дѣлѣ удивляться здѣсь нечему, какъ скоро массѣ удалось столпиться вмѣстѣ. Удивляться можно развѣ только тому, что не вышло чего-нибудь хуже, ибо толпа не разсуждаетъ, ибо она невмѣняема, ибо задоръ толпы не знаетъ границъ. На самомъ дѣлѣ неосмысленные поступки и невозможныя требованія студентовъ суть ничто иное, какъ извращенныя понятія нашего общества, отраженныя въ его юнѣйшихъ представителяхъ и доведенныя до абсурда юношескою горячностью, юношескою прямолинейностью, а всего болѣе—неотразимою заразительностью этого огромнаго психопата, толпы. Въ каждомъ поступкѣ, въ каждомъ нелѣпомъ требованіи студентовъ, собиравшихся на этихъ двухъ огромныхъ сходкахъ, мы узнаемъ знакомыя черты нашего общества, нашей литературы, нашего служебнаго міра. Разберемъ въ самомъ дѣлѣ поступки и требованія студентовъ петербургскаго университета, на сколько они намъ извѣстны и на сколько удобно говорить о нихъ въ печати.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Студентовъ возмущаетъ строгость примѣненія новаго устава, требованіе ежедневнаго посѣщенія лекцій и сообразный тому зачетъ семестровъ. Изъ этого прямо видно, что большинство студентовъ ищетъ не знаній, а университетскаго диплома и соединенныхъ съ нимъ привилегій, которыя открыли бы ему дорогу для обезпеченнаго и нерѣдко празднаго существованія; что это большинство желало бы всѣ свои учебныя подвиги свести на заучиваніе литографированныхъ профессорскихъ тетрадокъ за мѣсяцъ передъ экзаменами и въ концѣ концовъ украсить себя вывѣской мнимаго высшаго образованія. Какъ въ этихъ поползновеніяхъ нашего студенчества на дешевое пріобрѣтеніе одной лишь вывѣски знанія, съ соединенными съ нею житейскими выгодами, видны диллетанство, отлыниванье отъ серьезнаго труда и страсть къ разнаго рода наружнымъ вывѣскамъ и легкой карьерѣ нашего общества и нашего служебнаго сословія новѣйшей формаціи. Ничему не научась какъ слѣдуетъ, браться съ самоувѣренностью за все, что угодно; прямо съ учебной скамьи, гдѣ большая часть времени пошла на чтеніе дрянныхъ книжекъ и статей соціалистическаго и матеріалистическаго содержанія, хвататься за перо литератора, становиться въ позу многознающаго просвѣтителя и руководителя россійскаго человѣчества, строчить забористыя статьи о всемъ сущемъ и несущемъ въ мірѣ, de omni re scibili et quibusdam aliis; предвосхищать себѣ въ обществѣ и въ глазахъ начальства дешевыя, ни на чемъ неосновательныя репутаціи юристовъ, финансистовъ, политико-экономовъ, педагоговъ, стратеговъ, дипломатовъ и пр. и пр., съ помощью только борзописанія или разглагольствованій на модныя темы въ разныхъ нашихъ говорильняхъ; браться, на основаніи такихъ дутыхъ репутацій, за составленіе законодательныхъ проектовъ и за управленіе частями какой угодно отрасли государственнаго правленія, чрезъ что нанесено уже столько непоправимаго вреда и нашимъ финансамъ, и нашему государственному хозяйству, и отправленію правосудія, и внѣшней политикѣ; уважать въ каждомъ человѣкѣ не его внутреннее достоинство, а его вывѣску, часто пріобрѣтенную шарлатанствомъ; создавать себѣ изъ личностей, иногда весьма сомнительнаго достоинства, но ласкающихъ нашъ слухъ медоточивыми рѣчами и бряцающихъ на своихъ балалайкахъ любимыя

наши пѣсни, создавать изъ такихъ личностей идоловъ и ползать предъ ними на четверенькахъ, позабывъ свое человѣческое достоинство: развѣ всѣ эти свойства нашего общества не должны были наложить свое клеймо и на молодое наше поколѣніе, пріучивъ его съ пеленокъ не любить серьезнаго труда, уважать не внутреннее достоинство человѣка, а лишь его вывѣску, желать только легкой карьеры и быть увѣреннымъ, что въ Россіи, и безъ таланта, и безъ знанія, и безъ усидчиваго труда, можно пріобрѣсть и честь, и деньги, и даже славу. Развѣ нынѣшнимъ студентамъ неизвѣстно, что въ шестидесятыхъ годахъ можно было, вовсе не считаясь студентомъ, приготовиться въ три-четыре мѣсяца по тетрадкамъ къ экзамену на дѣйствительнаго студента и даже кандидата и выдержать его благополучно. Во всѣхъ университетскихъ городахъ извѣстны лица, совершавшія такіе фокусы, и они даже хвалятся ими. Почему же не желать и нынѣшнимъ студентамъ ограничить свои учебные труды четырьмя мѣсяцами зубренія тетрадокъ, по одному мѣсяцу на каждый годъ университетскаго курса? Правда, отъ нашихъ гимназистовъ требуется теперь трудъ не только усидчивый, но даже непосильный для ихъ возраста, болѣе всего потому, что учители древнихъ языковъ, изъ желанія ли отличиться передъ начальствомъ, или просто по недостатку надзора за преподаваніемъ, до крайности усиливаютъ въ исполненіи и безъ того уже строгія требованія гимназическихъ программъ. Но, во первыхъ, вліяніе окружающаго общества, его морали, привычекъ и выдвигаемыхъ имъ примѣровъ дѣйствуетъ на юношей несравненно сильнѣе, чѣмъ режимъ гимназической школы; а потомъ самая эта непосильность нынѣшнихъ требованій гимназическаго ученья не должна ли, по всеобщему закону реакціи, еще болѣе предрасполагать молодыхъ людей къ послѣдующему усыпленію мозговой дѣятельности? Одинъ изъ нынѣшнихъ студентовъ петербургскаго университета ѣздилъ минувшимъ лѣтомъ въ Британію, гдѣ у него есть родственники, и бывъ между прочимъ въ Эдинбургѣ, посѣтилъ тамошній университетъ, принадлежащій къ числу старѣйшихъ въ Европѣ. Первое, что поразило его тамъ, было требованіе, предъявленное ему швейцаромъ при самомъ входѣ въ переднюю: „вашъ нумеръ!“ Оказалось, что тамъ каждый

студентъ обязанъ при входѣ оставлять у швейцара свой нумеръ, подъ которымъ онъ значится въ спискахъ; по этимъ нумерамъ и дѣлается повѣрка посѣщенія лекцій. Никому не приходитъ тамъ въ голову протестовать противъ этого правила, потому что оно прямо вытекаетъ изъ необходимости для университетской власти знать, кто изъ студентовъ на самомъ дѣлѣ трудился и прошелъ начертанный уставомъ путь учебныхъ занятій. Тамъ, какъ и въ Германіи, какъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, отлично понимаютъ, что можно, будучи круглымъ невѣждой, удачно сдавать экзамены при помощи одной памяти. У насъ же требованіе акуратнаго посѣщенія лекцій считается студентами тиранією и придирчивостью университетскаго начальства, а уставъ, узаконившій такое требованіе, признается достойнымъ публичнаго ауто-да-фе. Потребность настоящаго знанія еще не вошла у насъ въ сознаніе студентовъ, какъ не вошла и въ сознаніе общества. Намъ нужны только подобіе знанія и сопряженныя съ нимъ житейскія выгоды, въ слѣдствіе чего тѣ учебныя заведенія, гдѣ сказанная цѣль достигается наилегчайшимъ образомъ, были у насъ, особенно въ прежнее время, самыми желанными для дѣтей достаточныхъ родителей. У насъ разчитываютъ на то, что, въ случаѣ надобности, можно найти все нужное въ иностранныхъ книжкахъ, къ которымъ и прибѣгаютъ у насъ при всѣхъ случаяхъ, включительно до составленія законодательныхъ проектовъ по всѣмъ частямъ управленія Россійскою Имперіей. Оттого-то у насъ на всѣхъ поприщахъ такъ мало настоящихъ знатоковъ дѣла, такъ мало спеціалистовъ.

Далѣе, въ головахъ многихъ нашихъ студентовъ никакъ не укладывается та элементарная истина, что государство, учредивъ для своихъ цѣлей и на свои средства университеты, въ правѣ дать имъ сообразныя съ цѣлями государства правила и наблюдать за точнымъ ихъ исполненіемъ, наблюдать, чтобъ на государственныя средства не внушались студентамъ идеи, направленныя не для созиданія, а для разрушенія государства, и чтобъ студенты, добровольно вступающіе въ открытыя имъ двери университетовъ, занимались пріобрѣтеніемъ полезныхъ знаній, а не праздношатаньемъ, не чтеніемъ литературныхъ журналовъ и не пробѣганіемъ профессорскихъ тетрадокъ за мѣсяцъ передъ экзаменами. Многіе изъ нашихъ студентовъ воображаютъ, что они,

какъ бы настоящіе хозяева университета, въ правѣ требовать измѣненія университетскаго устава, отмѣны тѣхъ или другихъ правилъ, смѣщенія тѣхъ или другихъ ненравящихся имъ лицъ изъ числа университетскихъ властей; что, собравшись въ тысячную толпу, они представляютъ силу достаточно внушительную для того, чтобъ посредствомъ крика и угрозъ настоять на исполненіи своихъ требованій. Они какъ бы считаютъ, что государство обязано не только содержать для нихъ на свой счетъ университеты, но и давать имъ еще стипендіи, а они не связаны предъ государствомъ никакими обязанностями, но какъ бы еще дѣлаютъ ему честь и одолженіе, украшая своими особами, когда имъ заблагоразсудится, университетскія аудиторіи и пріемля изъ рукъ университетскихъ властей дипломы на званіе кандидатовъ, дѣйствительныхъ студентовъ и лѣкарей. Все это безсмысленно, дико и крайне неутѣшительно для будущаго. Но, спрашивается, чѣмъ же въ этомъ случаѣ студенты поступаютъ хуже тѣхъ на примѣръ мировыхъ судей, которые, будучи учреждены государствомъ для отправленія правосудія и оплачываемы на сей конецъ изъ средствъ всего населенія, занимаются, вмѣсто правосудія, переустройствомъ общественныхъ отношеній по своимъ идеямъ и въ прямой вредъ государству, насажденіемъ въ народѣ грубо-демократическихъ и соціалистическихъ идей, подрываніемъ началъ власти и собственности и поблажкой дурнымъ инстинктамъ толпы? Изъ нѣкоторыхъ офиціально оглашенныхъ свѣдѣній видно, что даже и въ числѣ университетскихъ профессоровъ находятся такіе, которые считаютъ, что государственная власть, дающая имъ жалованье, пенсіи и чины, не имѣетъ права вмѣшиваться въ то, что они считаютъ нужнымъ преподавать своимъ юнымъ питомцамъ, хотя бы то были ученія, прямо противныя пользамъ государства и всему ходу нашей исторіи, или даже ученія, которыя каждое государство должны привести къ разложенію и гибели.

Студенты петербургскаго университета, на трехъ устроенныхъ ими сходкахъ, протестовали противъ удаленія изъ университета нѣсколькихъ ихъ товарищей, признанныхъ вредными для порядка, и требовали возвращенія ихъ въ университетъ, а нѣкоторые дошли даже до такого умопомраченія, что выражали свое сочувствіе преступному поступку, имѣвшему мѣсто на сту-

денческомъ вечерѣ въ Москвѣ, и требовали отмѣны правительственнаго распоряженія, покаравшаго преступника. Такое затмѣніе разсудка объясняется прежде всего отравляющею атмосферою, которая окружаетъ всякую толпу и особенно толпу молодежи, направляемую невидимыми для нея руками таинственныхъ подстрекателей. Но и тутъ видны родственныя черты этой молодежи съ ея старшимъ поколѣніемъ. Развѣ лучше дѣйствовали тѣ присяжные засѣдатели, состоявшіе изъ однихъ почти чиновниковъ, которые оправдали Засуличъ, тѣ коронные судьи, которые допустили, вмѣсто Засуличъ, судить и диффамировать лицо, пострадавшее отъ преступленія, та избранная публика, присутствовавшая въ залѣ суда, которая сочувственно отнеслась къ этому оправданію, то наконецъ петербургское общество, которое почти въ одинъ голосъ превозносило это оправданіе, какъ торжество истиннаго правосудія? А тотъ судебный чиновникъ, который доказывалъ, что Засуличъ совершила подвигъ гражданскаго мужества и достойна всякаго сочувствія, ибо желала только своимъ выстрѣломъ обратить общее вниманіе на злоупотребленія властей? Развѣ этотъ чиновникъ не служилъ отголоскомъ понятій, широко распространенныхъ въ нашемъ обществѣ?

Студенты, какъ очевидно для всякаго наблюдательнаго и разсуждающаго человѣка, служатъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ враговъ, для которыхъ настоящій моментъ имѣетъ высокую важность и которые желаютъ устрашить наше правительство призракомъ внутренней революціи, сбить его съ пути національной политики, на который оно недавно вступило, и навсегда уничтожить русское вліяніе на дѣла Балканскаго полуострова. Но русскіе студенты играютъ эту противонародную и предательскую роль незавѣдомо для себя: они не имѣютъ ни достаточной умственной зрѣлости, ни достаточныхъ свѣдѣній въ современной исторіи и дипломатіи для того, чтобъ быть посвященными въ тѣ махинаціи противъ Россіи, къ которымъ постоянно прибѣгаютъ нѣкоторыя иностранныя правительства въ подобныя минуты. Студенты, что и весьма естественно, настойчиво отвергаютъ, чтобъ ихъ поджигала какая-нибудь посторонняя рука: ибо какое же Панургово стадо сознаетъ, что оно бѣжитъ туда, куда его гонитъ чужая плетка. А вотъ, во

время польскаго мятежа 1863 года, даже въ Москвѣ тамошнее избранное общество, по свидѣтельству покойнаго Гилярова-Платонова, гласно выражало свое сочувствіе мятежу, ожидая, что онъ поведетъ за собой ускоренный прогресъ нашего отечества. Про Петербургъ нечего уже и упоминать: тамъ считалось позорнымъ говорить или писать противъ мятежа. Многіе военные, даже изъ весьма видныхъ, прямо выражались, что было бы постыдно сражаться противъ поляковъ. Нѣкоторые русскіе (между прочимъ одинъ весьма извѣстный петербургскій профессоръ того времени), изъ числа тѣхъ, которыхъ польскіе вожаки называли „тонкорунными москальскими баранами“, въ отличіе отъ всего остальнаго стада простыхъ барановъ, *) такъ ловко были обработаны этими вожаками, что въ Вильнѣ, передъ самымъ мятежемъ, рядились въ чамарки и вмѣстѣ съ поляками распѣвали „jeszcze Polska ne zginiela“. Если нѣкоторые изъ наиболѣе ослѣпленныхъ и задорныхъ студентовъ, съ голоса шныряющихъ между ними подстрекателей, болтали, что надобно довести дѣло до конца, добиться окончательнаго закрытія университета, то въ этихъ несмысленныхъ рѣчахъ одураченныхъ юнцовъ не слышался ли отголосокъ тѣхъ нашихъ политикановъ весьма зрѣлаго возраста, которые, и при первоначальныхъ успѣхахъ польскаго мятежа, и при нашихъ невзгодахъ во время Плевненскихъ побоищъ, и во всѣ другія тяжкія для Россіи минуты, твердили: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!“

Можно ли удивляться, что наша зеленая молодежь, еще несложившаяся ни характеромъ, ни умомъ, не проявляетъ въ себѣ никакой самостоятельности ума и воли, что она допускаетъ нѣсколькимъ нахальнымъ крикунамъ загонять себя, какъ стадо барановъ, въ любой закоулокъ, и пасуетъ предъ ихъ крикомъ: „тотъ будетъ подлецъ и измѣнникъ, кто и т. д!“ — можноли этому удивляться, когда всѣ мы, какъ образованные, такъ и полуобразованные, постоянно отличались полнѣйшею инерціей ума и воли во всемъ, что переходитъ границы обыденной матеріальной жизни и служебной карьеры. Кто же не знаетъ, какъ ловкіе плуты, съ помощью одного пронырства

*) См. книжку Гогеля.

и нахальства, самовластно распоряжаются на нашихъ земскихъ и городскихъ собраніяхъ, въ акціонерныхъ и всякихъ другихъ обществахъ. Одинъ какой-нибудь журнальный наѣздникъ, хлесткою бранью и злостными доносами публикѣ, можетъ у насъ запугать и заставить молчать многихъ людей умныхъ, опытныхъ, ученыхъ. Давно ли было время, когда два-три журнала держали подъ своимъ терроромъ всю грамотную Россію, когда люди, подобные Данилевскому (Н. Я.), Рачинскому и многимъ другимъ, налагали на себя молчаніе и ломали свои перья, не желая служить мишенью для журнальныхъ ругательствъ и клеветы. Когда въ шестидесятыхъ годахъ нѣкоторые профессора петербургскаго университета, принадлежавшіе къ числу извѣстныхъ и уважаемыхъ нашихъ ученыхъ, жаловались на упадокъ знаній въ университетахъ, на господство въ профессорскихъ лекціяхъ диллетантизма и тенденціозности, а между студентами— невѣжества, и когда имъ замѣчали, почему же они не воспользуются своимъ авторитетомъ для того, чтобъ противодѣйствовать такому жалкому направленію унивеситетскаго обученія, то они прямо отвѣчали: кому же охота подставлять себя подъ удары журнальныхъ наѣзниковъ, которые не преминутъ за такую попытку ославить васъ на всю Россію обскурантами, слугами деспотизма, сикофантами и т. п. Вѣдь для этихъ литературныхъ наѣзниковъ чѣмъ полуграмотнѣй и невѣжественнѣй общество, тѣмъ обильнѣе жатва на подписчикахъ и тѣмъ больше почета отъ такого общества. „Вотъ академикъ Бэръ, прибавляли они, попробовалъ было напечатать порусски рѣчь, сказанную имъ (на нѣмецкомъ языкѣ) при открытіи Энтомологическаго общества, и что же? Современникъ печатно обругалъ его за это мѣднымъ лбомъ. Конечно, въ другой разъ Бэръ уже не станетъ печатать своихъ сочиненій на русскомъ языкѣ“ *). Были однако люди, которые, не убѣждаясь такимъ разсужденіемъ сказанныхъ профессоровъ, говорили имъ: „Да, Бэръ имѣлъ основаніе не печатать своихъ сочиненій порусски, какъ скоро видѣлъ въ нашей періодической

*) Въ этой глубоко философской рѣчи, величественной по содержанію и прелестной по формѣ, знаменитый ученый вооружался противъ матеріалистическаго направленія, охватившаго собою естествознаніе.

печати господство невѣжества и наѣздничества, и притомъ, зналъ, что большинство нашего грамотнаго люда, по крайней мѣрѣ въ столицахъ, направляется въ своихъ сужденіяхъ исключительно указкой журналовъ и газетъ и только чрезъ это стекло смотритъ на міръ Божій. Но Бэръ, хотя великій ученый и членъ русской Академіи наукъ, все же былъ не русскій; а вамъ, господа профессора, нельзя такъ разсуждать: вы русскіе люди и не просто ученые, а профессора, наставники русскаго юношества, взявшіе на себя обязанность вести его къ свѣту истиннаго знанія. Если вы видите, что его ведутъ кривой дорогой, то вы обязаны всѣми имѣющимися у васъ способами противодѣйствовать такому направленію. Неужели, посвятивъ всю вашу жизнь дѣлу просвѣщенія въ вашемъ отечествѣ, вы можете махнуть на это дѣло рукой только изъ страха быть опозоренными какимъ-нибудь невѣжественнымъ журнальнымъ наѣзднікомъ?“ *) Да, обширна страна наша и одарена разнообразнѣйшими дарами природы. Не обиженъ и простой нашъ народъ предъ другими націями духовными силами: онъ

*) Въ упомянутой выше статьѣ г. Шестакова о студенческихъ волненіяхъ въ Москвѣ приводятся любопытные факты, показывающіе до какой запуганности и уничиженія предъ студентами дошли въ то время профессора и университетскія власти. Приведемъ слѣдующую выписку. „Къ экзаменаціонному столу подходитъ студентъ, въ отвѣтахъ своихъ выказываетъ полнѣйшее незнаніе; профессоръ ставитъ ему единицу. Студентъ, пріосанившись, дерзко спрашиваетъ: „позвольте узнать, г. профессоръ, сколько вы мнѣ поставили?“ Профессоръ, боясь скандала, молчитъ. Студентъ еще громче и съ большею дерзостью повторяетъ вопросъ: „я у васъ спрашиваю, г. профессоръ, сколько вы мнѣ поставили?“ Профессоръ снова молчитъ. Студентъ съ тѣмъ же дерзкимъ видомъ обращается къ декану: я спрашиваю г. профессора, сколько онъ мнѣ поставилъ; профессоръ молчитъ; скажите вы, г. деканъ, сколько мнѣ поставилъ профессоръ? Деканъ тоже молчитъ, а профессоръ, видя, что поддержки отъ декана нѣтъ, приставляетъ къ 1 уголокъ Студентъ, увидѣвъ, что ему поставлено 4, гордо кланяется и уходитъ. Эта сцена происходила въ присутствіи помощника инспектора студентовъ; на него и взвалили всю вину. Въ 1860 году Н. И. Крыловъ (одинъ изъ старѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ профессоровъ м. университета) съ удивленіемъ говорилъ мнѣ разъ во время экзаменовъ: „Бабстъ-то, Бабстъ-то, каковъ, а? Клеитъ студентамъ двойки и не боится, каковъ!“ Профессора видимо боятся студентовъ, ставятъ чуть не всѣмъ хорошія отмѣтки, пожимаютъ студентамъ руки, даже, „чтобы не показаться отсталыми и школьниками“, пропускаютъ двѣ—три недѣли лекцій безъ всякой уважительной причины. Литографированіе лекцій въ полномъ ходу, не смотря на то, что профессора всѣ противъ литографированія лекцій; но студенты желаютъ, и какъ же имъ возбранить; нечего дѣлать—позволяютъ. А вмѣстѣ съ литографированіемъ лекцій, литографируются, тайно разумѣется, сочиненія Фейербаха и Бюхнера. Какая же можетъ быть дисциплина, когда въ университетѣ тонъ даютъ и распоряжаются не профессора, а студенты“.

вынесъ на своихъ плечахъ судьбы Россіи, какъ не всякому народу удалось бы вынести; онъ разработалъ дебри и пустыни ея своею упорною энергіей и своими могучими руками. Но умственная ландкарта нашего образованнаго, руководящаго класса должна представлять постороннему наблюдателю видъ чего-то съеженнаго, тощаго, непроизводительнаго, лишеннаго всякой силы сопротивленія постороннимъ вліяніямъ. На этомъ захудаломъ и однообразномъ полѣ, ничѣмъ къ тому же неогороженномъ, привольно гарцовать всякому „лихому“ наѣзднику и зычнымъ голосомъ пронизывать его съ одного конца до другаго. Здѣсь, какъ говорится въ пословицѣ, кто палку взялъ, тотъ и капралъ.

Нынѣшніе наши студенты, безспорно, не имѣютъ никакого внутренняго сознанія дисциплины, и она можетъ быть между ними кое-какъ поддерживаема только полицейскими мѣрами. Но кто же сознаетъ теперь въ Россіи потребность и обязательность дисциплины? Ея нѣтъ у насъ ни въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ, ни въ отношеніяхъ подчиненныхъ къ начальству, ни въ образѣ поведенія простонародья относительно властей и высшаго класса, ни въ поведеніи прислуги относительно господъ и мастеровыхъ въ отношеніи къ ихъ хозяевамъ. Если еще поддерживается у насъ дисциплина, то только въ военномъ сословіи, которое безъ дисциплины немыслимо; въ гражданскомъ же вѣдомствѣ тотъ начальникъ, который вздумалъ бы ввести дисциплину въ своей части, встрѣтилъ бы теперь большія непріятности. Дисциплина признана у насъ принадлежностью азіатскихъ народовъ. Объ этомъ, безъ малаго 30 лѣтъ, твердятъ намъ и литература, и адвокаты, и мировые судьи. А вотъ какъ понимаютъ дисциплину въ Пруссіи. Въ тамошнихъ университетахъ сходки не допускаются, потому тамъ ихъ и не бываетъ. Въ январѣ 1886 года студенты Берлинскаго университета, въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ (всѣхъ ихъ свыше 3.000 человѣкъ, какъ и въ Петербургскомъ университетѣ), собрались въ такъ называемомъ концертномъ залѣ (Tonhalle), находящемся на Friedrichstrasse, для выбора изъ своей среды старшинъ, устраивающихъ тѣ процессіи и празднества, которыми такъ богата жизнь нѣмецкихъ студентовъ. Сходка вышла бурная; студенты раздѣлились на партіи и каж-

дая шумѣла изо всѣхъ силъ. Явился полицейскій вахмейстеръ и объявилъ, что если шумъ не прекратится, то собраніе должно разойтись. Студенты безпрекословно прекратили шумъ и разошлись. Черезъ нѣсколько дней они собрались тамъ же еще въ большемъ количествѣ, для окончательнаго выбора старшинъ. Опять шумъ и гамъ. Приходитъ околоточный надзиратель (revier-polizeileitenant) и, отъ имени президента полиціи (по-нашему оберъ-полицеймейстера), требуетъ, чтобъ студенты разошлись. Студенты немедленно и безъ возраженій исполнили это требованіе. При этомъ околоточный объявилъ, что въ будущемъ сходки не будутъ допускаемы, если студенты будутъ являться на нихъ безъ достаточнаго запаса хладнокровія и степенности *). Другіе нравы въ обществѣ, другіе нравы и у молодежи. Это намъ, русскимъ, не мѣшаетъ, теперь особенно, принять къ свѣдѣнію. Примѣчать у сосѣда то хорошее, чего нѣтъ у насъ самихъ, и отдавать ему въ этомъ справедливость будетъ для насъ полезнѣе, чѣмъ газетною бранью и похвальбами раздражать его и побуждать тѣснѣе смыкать свои ряды, внимательнѣй присматриваться къ нашей позиціи.

Въ числѣ таинственныхъ подстрекателей студенчества, подсылаемыхъ къ намъ изъ-за границы, несомнѣнно орудуютъ и наши заграничные эмигранты, вмѣстѣ съ ихъ здѣшними единомышленниками. Многимъ студентамъ, по ихъ невѣдѣнію и неопытности, эти эмигранты представляются въ ореолѣ мучениковъ и борцовъ за правду. Взяла ли наша литература на себя трудъ разоблачить этихъ героевъ предъ молодежью, показать ей, съ документами въ рукахъ, что это за люди, которымъ она, сама того не сознавая, подаетъ руку своими безпорядками? А между тѣмъ документовъ не мало: хотя бы на примѣръ отзывы о нашихъ заграничныхъ эмигрантахъ покойнаго Герцена, который такъ хорошо зналъ ихъ и котораго нельзя, конечно, заподозрить въ ретроградности и во враждебномъ расположеніи къ людямъ, стремящимся подорвать обще-

*) Случай этотъ сообщенъ автору настоящей статьи однимъ изъ старѣйшихъ русскихъ дипломатическихъ чиновниковъ въ Берлинѣ и извѣстенъ всѣмъ русскимъ, студирующимъ въ тамошнемъ университетѣ, каковыхъ теперь насчитывается около 100 человѣкъ.

ственный порядокъ въ Россіи. Вотъ какую характеристику русскихъ заграничныхъ нигилистовъ дѣлаетъ онъ въ своихъ „Посмертныхъ статьяхъ“. „Наукой они не занимались, даже мало читали. Ихъ занимали дрязги ихъ кружка, внѣ которыхъ ихъ ничто не занимало. Болѣзненное и очень безцеремонное самолюбіе ихъ закусывало удила. Они не могли скрывать ни зависти, ни щепетильнаго требованія чинопочитанія по рангу, ими самими себѣ присвоенному. Они смотрѣли на все свысока. Они торопились сбросить съ себя всѣ условныя формы. Снимая все до послѣдняго клочка, наши enfants terribles явились какъ мать родила; а родила-то она ихъ плохо, вовсе не простыми дебелыми парнями, а наслѣдниками дурной и нездоровой жизни нашихъ петербургскихъ слоевъ. Сбрасывая съ себя всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ Гоголевскаго Нѣтуха. Нагота не скрыла, а раскрыла —кто они такіе. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣютъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина, а очень много общаго съ пріемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома.“ (*) Въ другомъ мѣстѣ Герценъ называетъ ихъ „шайкой кочующихъ русскихъ негодяевъ, диптистами нигилизма, бездарными прыщами самолюбія, гноемъ, сопровождавшимъ горячку 1856—1862 гг, кантонистами революціи, которые сдѣлали себя генералами“. Герценъ не постигаетъ, какъ можно имѣть съ ними что-нибудь общее. „Зависть душитъ ихъ и опьяняетъ; каждый вершокъ ихъ—это квинтэссенція русскихъ подлецовъ. Базаровъ Аполлонъ передъ этими свиньями. Это сифилисъ нашего революціоннаго лупанара“. (**) Одинъ изъ генераловъ нашихъ бродячихъ нигилистовъ Лавровъ вотъ что пишетъ о томъ, какъ надобно уловлять и фанатизировать нашу молодежь: „Нужны энергическіе, фанатическіе люди, рискующіе всѣмъ, легенда о которыхъ переросла бы далеко ихъ истинное достоинство, ихъ дѣйствительную заслугу. Имъ припишутъ энергію, которой у

(*) Посмертныя статьи, стр. 177, 179, 180, 188, 189, 190, по выборкамъ г. Щербаня въ Русскомъ Вѣстникѣ № 12 1887 г.

(**) Письма Герцена къ Огареву, Русская Старина: ноябрь 1886 стр., 326—330, декабрь 1886 стр. 668 и 683; Посмертныя статьи стр. 191.

нихъ не было; въ ихъ уста вложатъ мысли, чувства, до которыхъ доработаются лишь ихъ послѣдователи; зато легенда о нихъ одушевитъ тысячи тою энергіей, которая нужна для борьбы. Никогда несказанныя слова будутъ повторяться; мысль, никогда не одушевлявшая оригиналъ идеальной фигуры, воплотится въ дѣло позднѣйшихъ поколѣній (т. е. въ дѣло разрушенія нравственнаго и политическаго). Число гибнущихъ тутъ неважно: легенда всегда ихъ размножитъ до послѣдней возможности". (*) Вотъ какъ смотрятъ на Панургово стадо настоящіе мастера анархіи, подзадоривающіе его изъ своего недоступнаго далека! Въ одной иностранной газетѣ было недавно напечатано извѣстіе, перешедшее оттуда и въ нѣкоторыя наши газеты и какъ-бы служащее непосредственнымъ продолженіемъ приведенныхъ здѣсь штриховъ, набросанныхъ рукою Герцена. Въ Женевѣ извѣстный нигилистъ и бывшій профессоръ Кіевскаго университета Драгомановъ, послѣ шумной сходки и террористическихъ рѣчей противъ Россіи, сцѣпился въ кабакѣ (dans un débit de vin) съ другимъ русскимъ нигилистомъ; они стали другъ друга обвинять въ шантажѣ, воровствѣ и пр., и кончили свой диспутъ взаимной потасовкой.

Итакъ не будемъ осуждать безпощадно нашихъ студентовъ, а подумаемъ лучше о томъ, какъ бы помочь имъ стать не тѣмъ, чѣмъ они теперь. Теперь они представляютъ вѣрное отраженіе того общества, которое ихъ воспитало, продуктъ той нравственной атмосферы, которою они дышатъ съ дѣтства. Мы сами, люди возмужалые или старые, уже не сдѣлаемся лучше того, чѣмъ были доселѣ; но питомцы нашихъ учебныхъ заведеній, высшихъ, среднихъ и низшихъ, еще полны жизненныхъ силъ, еще могутъ стряхнуть съ себя наслѣдственные пороки, неуспѣвшіе еще внѣдриться въ нихъ глубоко, и при новыхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ русской жизни, могутъ положить начало новому поколѣнію гражданъ, лучше насъ способныхъ упрочить судьбы нашего отечества. Будущее закрыто отъ насъ непроницаемою завѣсой; но надобно вѣрить, что Провидѣніе, проведшее Россію чрезъ столько

(*) Вѣстникъ народной воли, IV стр. 44.

тяжкихъ испытаній, уберегло еще въ ея нѣдрахъ закваску добра и духовной силы, и что грядущія событія, быть можетъ нежданныя и грозныя, помогутъ этой закваскѣ войти въ новое тѣсто и разсѣять мглу, нависшую надъ нашими очами.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Цѣна 30 коп.